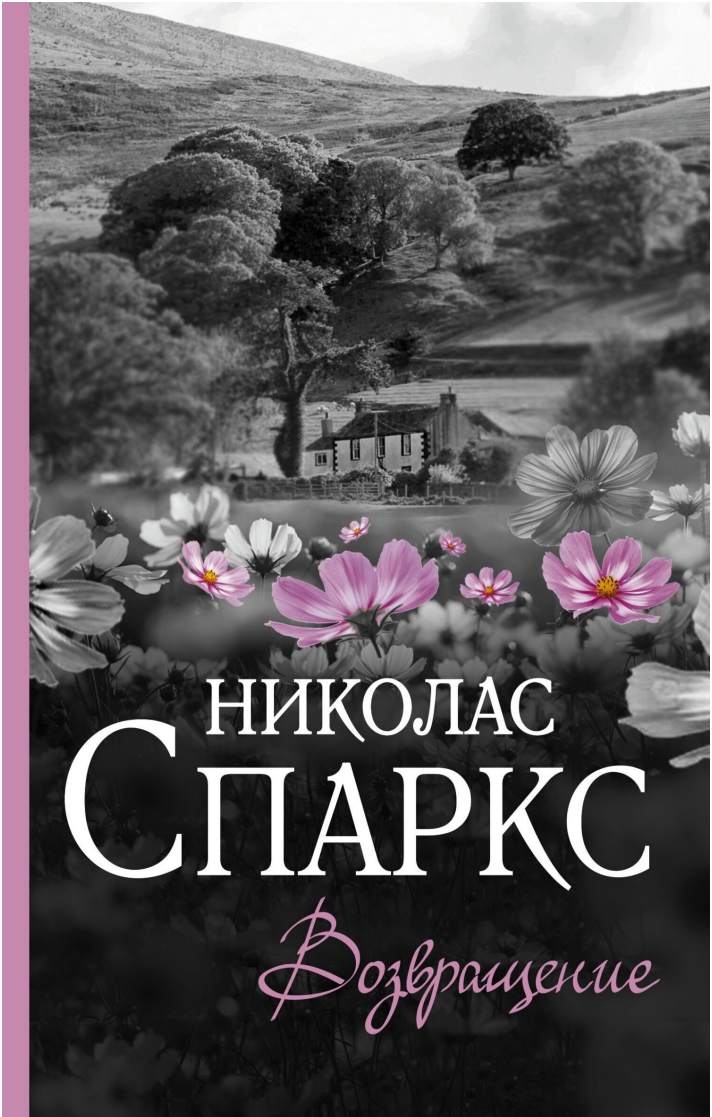
НИКОЛАС
СПАРКС
Возвращение

Николас Спаркс
Возвращение
Серия «Спаркс: чудо любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65996642
Возвращение:
ISBN 978-5-17-135993-5

Аннотация

Последние слова умирающего деда породили у Тревора Бенсона немало вопросов… Как и почему старик, много лет не покидавший крошечный южный городок Нью-Берн, вдруг оказался далеко от дома? Каких родственников просил найти?

Вынужденный оставить работу военного хирурга из-за ранения, Бенсон отправляется в Нью-Берн в поисках ответов. Здесь его внезапно настигает любовь к загадочной красавице Натали Мастерсон… Почему она то принимает его ухаживания, то отдаляется от него?

Но Тревор не намерен отступать. Ведь для него это прежде всего возможность расстаться с прошлым и начать все с чистого листа.

Содержание

Благодарности 5
Пролог 8
Глава 1 11
Глава 2 29
Глава 3 47
Глава 4 67
Глава 5 92
Конец ознакомительного фрагмента. 105

Николас Спаркс
Возвращение

Семье Ван Вай:
Джеффу, Торри, Анне, Одри и Аве

© Willow Holdings, Inc., 2020
Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Благодарности

Сложно поверить, однако прошло уже двадцать четыре года с тех пор, как вышла в печать моя первая книга – «Дневник памяти». Что еще поразительнее, многие мои прежние соратники, помощники и друзья остались со мной по сей день. Невозможно передать словами, насколько я благодарен многоликой команде, что поддерживала меня на протяжении долгой карьеры, – и все-таки я попробую.

Прежде всего, спасибо моему литературному агенту Терезе Парк из «Парк энд Файн литерари энд медиа». Мы отправились в путешествие еще детьми – и вот мы здесь, уже зрелые люди, двадцать две книги спустя. Сказать, что у нас единый разум, сердце и источник вдохновения, – еще ничего не сказать. Спасибо за то, что оставалась моим творческим партнером и неизменно поддерживала меня на каждом этапе нашей увлекательной жизни.

В агентстве «Парк энд Файн» работают самые опытные, дальновидные и успешные представители литературного бизнеса. Эбигейл Кунс, Эмили Свит, Андреа Мэй, Алекс Грин, Эма Барнс и Мари Михельс – вы самые продвинутые ребята в издательском мире, с вами очень приятно работать. Новые сотрудники «Парк энд Файн»: Селеста Файн, Джон Маас, Сара Пассик, Анна Петкович, Джейдри Брэддикс и Аманда Ороско – добро пожаловать! Безумно рад, что

агентство растет и делится со мной своим богатым опытом.

Майкл Пич, глава издательства «Гранд сентрал паблишинг» (когда я начинал, оно называлось «Уорнер букс»), продолжает курировать мою карьеру в издательском деле и всегда меня поддерживает. Я с большим удовольствием поработал с издателем Беном Севьером и главным редактором Карен Костольник. Они упорные, проницательные и прежде всего добрейшие люди. Брайан Маклендон с неизменным энтузиазмом руководит продвижением моих книг, а Мэттью Бэллэст и Стейси Берт мастерски организуют мне первоклассные рекламные кампании. Спасибо художественному редактору Альберту Тэнгу за то, что подарил моим книгам стильные обложки – одну эффектнее другой. Аманда Прицкер, ты творишь чудеса! Благодаря тебе все шестеренки моих кампаний крутятся слаженно. Спасибо тебе за это и за работу бок о бок с командой из «Парк энд Файн».

Кэтрин Олим из PMK-BNC – мой гиперответственный и невероятно опытный издатель за рубежом, ты служила мне надежной опорой многие годы. Разве смог бы я выжить в кишащих акулами водах издательского бизнеса без тебя? Молли Смит и Лаквиш Райт, вы всегда – всегда! – на шаг впереди, когда дело касается продвижения книг в социальных сетях. Вы знаете меня лучше, чем я сам, и неизменно представляете меня в самом выгодном свете.

Моя голливудская команда не зря вызывает зависть у каждого писателя. Хоуи Сандерс из «Анонимус контент» – бле-

стящий адвокат и самый верный товарищ; Кия Хаятьян – мастер по заключению сделок, которая поддерживала меня многие годы; и конечно, Скотт Швимер – самый въедливый, честный и неутомимый юрист в Голливуде. Ты изменил этот мир, Скотти!

И все же наш дом – там, где сердце, поэтому было бы упущением с моей стороны не упомянуть людей, что согревают и оберегают место, приносящее мне покой: моих детей Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну, которые наполняют мою жизнь радостью; Джинни Арментраут и Тиа Скотт, которые помогают мне с повседневными делами; Пэм Поуп и Оскару Стевик – моих чудесных бухгалтеров; Викторию Водар, Майкла Смита, Кристи Боначчи, Бритта и Мисси Блэкерби, Пэт и Билла Миллсов, Тодда и Гретхен Лэнман, Ли и Сэнди Миншалл, Ким и Эрика Белчеров, Питера и Тонье-Мари, Дэвида и Моргана Шара, доктора Дуайта Карлблома и Дэвида Вонга – моих фантастических друзей. И конечно, хочу поблагодарить всю свою большую семью: Майка и Парнелл, Мэтта и Кристи, Дэна и Киру, Аманду и Ника, Чака и Дайен, Тодда, Элизабет, Монти и Гейл, Шона, Адама, Сэнди, Нейтана, Джоша и, наконец, Коди и Коула – всех, кто звал меня в гости и готов был выслушать в любую минуту.

Пролог

2019 год

Церковь напоминает альпийскую часовенку – из тех, что встречаются в окрестностях Зальцбурга; там, внутри меня ждет прохлада. В августе в южных штатах царит жара, а на мне, увы, – костюм с галстуком. Обычно я костюмы не ношу: неудобно. Да и пациенты мне больше доверяют, когда я одет повседневно, как они.

Я приехал на свадьбу. С невестой я знаком уже пять с лишним лет – правда, не уверен, что она считает меня другом. Когда она покинула Нью-Берн, мы поначалу часто созванивались, однако год спустя наше общение свелось к редким дежурным эсэмэскам – иногда от нее, иногда от меня. Впрочем, нас несомненно кое-что связывает – события, произошедшие несколько лет назад.

Иногда мне сложно вспомнить, каким я был, когда наши пути пересеклись впервые. Хотя удивляться тут нечему. Жизнь прокладывает перед нами множество дорог; мы растем, меняемся – и порой, мельком взглянув в зеркало заднего вида, с трудом узнаем себя прежних.

Что-то осталось неизменным – например, мое имя, – однако мне уже стукнуло тридцать семь, и я осваиваю новую профессию, о которой даже не задумывался первые три десятка лет своей жизни. Раньше я обожал фортепиано, теперь

же не играю вовсе; я вырос в любящей семье, однако долгие годы жил без родных. На то есть причины, и о них я поведаю позже.

А сейчас я просто рад, что добрался и к тому же не опоздал. Мой рейс из Балтимора отложили, еще и в очереди за арендованным автомобилем пришлось постоять. Я приехал не последним, но больше половины мест уже заняты. Сажусь на третью от входа скамью, постаравшись проскользнуть незамеченным. Среди гостей – множество женщин в шляпках, уместных скорее для дерби в Кентукки: вычурные, похожие на торты, нагромождения из бантов и цветов – прямо как на лугу, только коз не хватает. Ох уж этот Юг, улыбаюсь я: словно попал в другой мир, какого нигде больше не увидишь.

Я продолжаю осматриваться, и цветы наводят меня на мысли о пчелах, с которыми связана значительная часть моей жизни. Эти необычайные, чудесные существа всегда казались мне занимательными. Сейчас у меня свыше дюжины ульев – к слову, возни с ними не так уж много, – и я верю, что пчелы обо мне заботятся, как и обо всем человечестве. От этих крошечных созданий зависит огромная часть людского продовольствия.

Разве не удивительно, что наша привычная жизнь в конечном счете сводится к чему-то настолько простому, как пчела, перелетающая с цветка на цветок? Поэтому я верю: мое скромное увлечение важно для мироздания, а также сознаю,

что именно разведение пчел привело меня сюда, в маленькую церквушку вдали от дома.

Конечно, мой рассказ – как и любой хороший рассказ – о событиях, обстоятельствах и людях, в том числе о парочке старичков, часами сидевших в креслах-качалках у видавшего виды магазинчика в Северной Каролине. Однако прежде всего это история о двух разных женщинах – впрочем, одна из них была совсем еще девчонкой.

Сам знаю: рассказчики частенько помещают себя в центр своих историй. Возможно, и я пополню их ряды, но с оговоркой: большинство событий все же кажутся мне совершенно случайными. Поэтому, читая мой рассказ, пожалуйста, помните: я не претендую на звание героя.

Что касается концовки – думаю, эта свадьба послужит неплохим завершающим аккордом. Пять лет назад я затруднился бы сказать, к какому финалу привели события – к счастливому, печальному или к обоим одновременно. А что же теперь? По правде говоря, сейчас определенности еще меньше. Я приехал сюда посмотреть: вдруг эта история каким-то хитрым образом продолжится там, где когда-то оборвалась?

Чтобы понять, о чем я, вам придется перенестись со мной в прошлое, погрузиться в мир, который, несмотря на пять последующих лет, остался рядом – рукой подать.

Глава 1

2014 год

Впервые я заметил эту девушку на следующий день после переезда. Затем я не раз видел, как она брела мимо моего дома, опустив голову и ссутулив плечи. За полтора месяца мы не перекинулись и словом.

Она показалась мне подростком: манера держаться выдавала, что девушку угнетают одновременно низкая самооценка и раздражение на весь белый свет. Впрочем, в свои тридцать два я едва ли мог судить наверняка. Кроме того, что у нее длинные каштановые волосы и широко расставленные глаза, я знал точно лишь одно: она жила в трейлерном парке неподалеку и любила ходить пешком. А еще вероятнее, ходить ей приходилось в связи с отсутствием машины.

В апреле небо прояснилось, температура замерла на отметке чуть выше двадцати градусов, а слабого ветерка хватало лишь на то, чтобы разносить ароматы цветов. Азалии и кизил во дворе расцвели пышным цветом буквально за одну ночь. Азалии росли вдоль посыпанной гравием дорожки, что, петляя, вела к дому моего деда в ближайшем пригороде Нью-Берна[1] – дома, который недавно достался мне по наследству.

---

[1] Нью-Берн – город в Северной Каролине. – *Здесь и далее примеч. пер.*

А я, Тревор Бенсон – идущий на поправку врач и по совместительству отставной военный, – сыпал вдоль крыльца нафталиновые шарики, про себя досадуя, что совсем не так мечтал провести утро. В этом доме уборке не было конца и края: всегда находилась новая работенка, и порой я сомневался, стоило ли браться за ремонт вообще.

Дом (хотя «дом» – это громко сказано) и в лучшие годы выглядел довольно неказисто, к тому же над ним потрудилось время. Дедушка собственноручно возвел это жилище, вернувшись со Второй мировой, и хотя строил он на века, в плане дизайна фантазией не отличался. Дом представлял собой параллелепипед с одной верандочкой спереди и другой – сзади. Внутри: пара спален, гостиная, кухня и две ванные комнаты. Обшивка из кедровых досок с годами стала серебристо-серой, совсем как волосы моего деда. Крышу уже не раз латали, ветер задувал сквозь щели в рамах, а кухонный пол настолько покосился, что, пролей кто-нибудь воду, она ручейком стекла бы к двери. Надеюсь, это облегчало дедушке мытье полов, ведь последние тридцать лет он жил в одиночестве.

Участок, впрочем, впечатлял: шесть с лишним акров земли; старенький, немного кособокий амбар и сарай, где дедушка хранил собранный мед. Казалось, на ферме можно найти все цветущие растения, известные человечеству, включая клевер и полевые травы. С апреля и до конца лета газон будто фейерверки расцвечивали.

Рядом пролегала речка Брайсес-Крик, чьи темные солоноватые воды текли так медленно, что в них, словно в зеркале, отражалось небо. Неспешно меркнущие закатные лучи пронизывали испанский мох, шторами свисавший с деревьев, превращая водную гладь в какофонию бордового, желтого и оранжевого.

Медоносные пчелы обожали эти места, как и задумывал дедушка, – по-моему, пчел он любил больше, чем людей. Всю жизнь он увлекался пчеловодством; на участке стояло около двадцати ульев, причем находились они в лучшем состоянии, нежели дом или амбар. Приехав сюда, я понаблюдал за пасекой издали, и хотя сезон только начинался, пчелиные семьи, похоже, чувствовали себя хорошо.

Весной население ульев стремительно возрастало, – прислушавшись, я даже мог различить жужжание. Пока что моего вмешательства не требовалось. Я сосредоточился на доме, решив привести его в приличное состояние. Обшарив кухонные полки, я оставил несколько банок меда и выбросил остальное: коробку прогорклого печенья, полупустые банки с арахисовым маслом и вареньем, пакетик сушеных яблок. В ящиках я обнаружил мусор: просроченные купоны, огарки свечей, магниты, непишущие ручки – и все отправил на помойку. Холодильник был почти пустым и на удивление чистым: ни заплесневелой еды, ни отвратительных запахов. Я вынес из дома целую гору старого хлама.

Для более сложных задач я нанял несколько рабочих бри-

гад. Во-первых, пригласил подрядчика, чтобы сделать косметический ремонт в одной из ванных. Затем сантехник устранил протечку на кухне. Рабочие отшлифовали и покрасили полы, выкрасили стены и, что не менее важно, заменили заднюю дверь. Прежняя была проломлена, а затем кое-как заколочена досками. Когда уборщики вычистили каждый уголок, я провел в дом вайфай для ноутбука и купил мебель для спален. Приобрел я и новый телевизор в гостиную – вместо старого, с антеннами-рожками и размером с пиратский сундук. Благотворительный фонд не принял дедовскую мебель даже в качестве антикварной, так что пришлось отправить ее на свалку.

По утрам и вечерам я отдыхал на одной из неплохо сохранившихся верандочек. Поэтому-то мне и понадобился нафталин. Весна на Юге – не только цветочки, пчелки и красивые закаты, особенно если живешь в глуши неподалеку от реки. Погода стояла теплее, чем обычно, отчего пробудились от спячки змеи. Одну – и довольно большую – я заметил утром, когда вышел на заднюю веранду. Испугавшись до чертиков и пролив кофе на рубашку, я быстро ретировался в дом.

Не знаю, ядовитой ли была змея: я ничего в змеях не смыслю. Однако, в отличие от некоторых – например, моего дедушки, – убивать я ее не хотел. Пусть живет – только где-нибудь во-он там, подальше от моего дома. Я знал, что змеи приносят пользу – к примеру, уничтожают мышей, ко-

торые по ночам шебуршат за стенами. Этот шорох меня пугал; мальчишкой я проводил здесь каждое лето, но так и не привык к сельской жизни. Я всегда считал себя парнем-из-большого-города, – пока не прогремел взрыв, поломавший не только привычную жизнь, но и меня самого. Поэтому я и назвался «идущим на поправку врачом». Впрочем, об этом позже.

Вернемся к змее. Переодев рубашку, я вспомнил, что дедушка отпугивал ползучих гадов нафталиновыми шариками. Он верил, что это волшебное средство от всех на свете вредителей: крыс, летучих мышей, клопов, змей, – и запасался нафталином впрок. Я нашел много коробочек в амбаре и, надеясь, что дед знал, о чем говорит, щедро рассыпал шарики вокруг дома: вначале у задней веранды и вдоль стен, затем – у крыльца.

Тогда-то я снова увидел девушку, бредущую по шоссе. На ней были футболка и джинсы. Она, похоже, почувствовала мой взгляд и мельком на меня посмотрела. Не улыбнулась, не помахала, а втянула голову в плечи, словно стараясь меня не замечать.

Пожав плечами, я вернулся к работе – если посыпание крыльца нафталином могло таковой считаться. Однако по неведомой причине я задумался о трейлерном парке, где жила незнакомка. Он находился в конце дороги, где-то в миле от моего дома. Вскоре после переезда я туда прогулялся – чисто из интереса. За несколько лет парк разросся, и мне за-

хотелось посмотреть на новых соседей.

При взгляде на фургоны у меня мелькнула мысль, что по сравнению с ними дом моего деда – Тадж-Махал. Шесть-семь дряхлых, допотопных трейлеров беспорядочно ютились на площадке; поодаль виднелись обгоревшие развалины еще одного. Пожар оставил от него лишь черный, оплавленный остов, который никто не удосужился убрать. Меж покосившихся шестов уныло свисали бельевые веревки. Тщедушные куры что-то клевали, толкаясь среди ржавой техники и держась подальше от оголодавшего питбуля, прикованного цепью к старому бамперу. Пес клацал огромной, словно капкан, челюстью и лаял на меня так свирепо, что слюна во все стороны летела из пасти. *Нехороший песик*, помнится, подумал я. Интересно, кому могло захотеться жить в такой дыре? Впрочем, ответ был очевиден. Возвращаясь домой, я мысленно жалел бедолаг-соседей и корил себя за снобизм. Мне просто повезло больше, чем большинству – во всяком случае, по части денег.

– Вы здесь живете? – послышался голос.

Я поднял глаза: передо мной стояла девушка из трейлер-парка – похоже, возвращалась домой. Боясь подойти ближе, она замерла в нескольких ярдах от меня, – впрочем, достаточно близко, чтобы я разглядел россыпь едва заметных веснушек на ее щеках. На руках девушки виднелись синяки – видимо, бедняжка обо что-то ударилась. Особой красотой незнакомка не отличалась – в ее чертах сквозила ка-

кая-то незавершенность, отчего я снова подумал, что она еще подросток. По настороженному взгляду я понял: стоит мне приблизиться – и девушка убежит.

– Да, я здесь живу, – ответил я с улыбкой. – Правда не знаю, надолго ли задержусь.

– Старик умер, – произнесла незнакомка. – Тот, что жил здесь до вас. Его звали Карл.

– Знаю. Это был мой дедушка.

– Вот как. – Она засунула руку в задний карман джинсов. – Он угощал меня медом.

– Очень в его духе. – Наверняка я не знал, но почему-то захотел так сказать.

– Он часто обедал в «Фактории», – сообщила девушка. – Всегда был вежливым.

«Фактория[2] ленивого Джима» – невзрачный магазинчик, каких полным-полно в южных штатах, – существовала здесь дольше, чем я себя помню. Дедушка водил меня туда всякий раз, как я приезжал. В домике размером с гараж на три машины имелась крытая верандочка, а также продавалось все, начиная с бензина, молока и яиц и заканчивая рыболовными снастями, наживкой и запчастями для машин. Рядом стояла парочка допотопных бензоколонок – картой не расплатишься, – а еще в «Фактории» готовили еду на гриле. Одна-

---

[2] Факториями, или торговыми постами, в XV–XIX вв. назывались торговые поселения, образованные иностранными (чаще всего европейскими) купцами на территории другого государства или колонии.

жды я нашел в магазине пакет с пластмассовыми солдатиками, зажатый между пачкой зефира и ящиком с рыболовными крючками. Товары безо всякой системы громоздились на полках или висели на стенах, однако я с детства считал этот магазинчик одним из крутейших на свете.

– Ты работаешь в «Фактории»?

Девушка кивнула.

– А зачем вы разбрасываете шарики от моли?

Я опустил взгляд на коробочку – совсем забыл, что ее держу.

– Утром видел на веранде змею. Говорят, нафталин их отпугивает.

Поморщившись, девушка отступила на шаг.

– Что ж, я просто хотела узнать, кто теперь здесь живет.

– Кстати, меня зовут Тревор Бенсон, – представился я.

Она подняла на меня глаза и, набравшись смелости, задала вопрос, который явно не давал ей покоя:

– Что у вас с лицом?

Конечно, она имела в виду шрам, тонкой чертой пролегавший от линии роста волос до подбородка. Я еще раз убедился, что девушка очень юна: взрослые обычно не спрашивали прямо, притворяясь, что ничего не замечают.

– Меня ранил минометный снаряд в Афганистане. Несколько лет назад.

– Ого. – Девушка потерла нос тыльной стороной ладони. – Больно было?

– Да.

– Ух, – снова выдохнула она. – Пожалуй, мне пора.

– Хорошо.

Она вышла на дорогу и вдруг обернулась:

– Не сработает!

– Что не сработает? – не понял я.

– Шарики от моли. Змеям на них плевать.

– Ты уверена?

– Да это ежу понятно.

А дедушке – нет, подумал я.

– И что же делать? Как избавиться от змей?

Немного помолчав, она ответила:

– Может, переехать туда, где змей нет?

Я рассмеялся: чудачка та еще. Смеялся я впервые с тех пор, как сюда переехал. А может, впервые за долгие месяцы.

– Рада была познакомиться. – Девушка зашагала прочь и тут, к моему удивлению, изобразила что-то вроде пируэта. – Я – Келли! – крикнула она.

– Приятно познакомиться, Келли!

Когда ее фигурка скрылась за азалиями, я задумался, стоит ли дальше посыпать крыльцо нафталином. Я решил, что дела подождут до завтра. Захотелось выпить лимонада на веранде и расслабиться, – хотя бы потому, что психотерапевт настоятельно советовал мне отдыхать, пока еще оставалось свободное время.

Он говорил, что это поможет отпугнуть Тьму.

* * *

«Тьмой» и другими загадочными словами мой психотерапевт называл ПТСР, или посттравматическое стрессовое расстройство. Когда я поинтересовался, почему, он объяснил, что все случаи уникальны и часть его работы – находить слова, точно отражающие чувства и настроение пациента, дабы постепенно вести его к выздоровлению. Работая со мной, доктор величал ПТСР «кризисом», «проблемой», «затруднением», «эффектом бабочки», «эмоциональной дисрегуляцией», «восприимчивостью к триггерам» и, наконец, «Тьмой». Так сеансы проходили живее, да и понятие «Тьма», признаюсь, описывало мое состояние ничуть не хуже прочих.

После взрыва я долго пребывал в мрачном настроении. На душе было черным-черно, словно в беззвездную и безлунную ночь.

Вначале я упрямо отрицал посттравматический синдром – впрочем, я давно прослыл упрямцем. Гнев, депрессия и бессонница сперва казались мне закономерными. Глядя в зеркало, я всякий раз прокручивал в голове произошедшее девятого сентября 2011 года на военной базе в Кандагаре. У дверей госпиталя, где я работал, разорвался минометный снаряд, – а я как раз выходил из здания.

Мои слова про зеркало немного ироничны, ведь я уже не

могу смотреться в него как прежде. Я ослеп на правый глаз, а значит, лишился восприятия объема. Собственное отражение напоминает мне старый скринсейвер с рыбками: почти настоящее, но не совсем, – и даже если я с этим свыкнусь, другие мои раны заметны, как одинокий флаг на вершине Эвереста. Про шрам на лице я уже упоминал; другие осколки испещрили кратерами мое тело, словно метеориты – Луну. Два пальца на левой руке – безымянный и мизинец – оторвало напрочь. Вдвойне прискорбно, учитывая, что я левша.

Вдобавок я лишился левого уха. Как ни странно, именно эта потеря опечалила меня больше всего. Голова без уха сделалась неестественной. Я казался себе странным, перекошенным, хотя раньше почти не обращал на уши внимания. Я вспоминал о них лишь изредка, да и то в контексте слуха. Однако попробуйте с одним ухом нацепить солнечные очки – и сразу поймете, отчего я переживал.

Я еще не упомянул о повреждениях позвоночника, из-за которых пришлось заново учиться ходить, и о стучащих головных болях, не утихавших долгие месяцы, – все это превратило меня в развалину. Впрочем, хорошие врачи из госпиталя Уолтера Рида меня подлатали. Точнее, подлатали то, что от меня осталось.

Как только я встал на ноги, моим здоровьем занялись в альма-матер – университете Джонса Хопкинса, где я перенес несколько пластических операций. Теперь у меня протез, который с трудом отличишь от настоящего уха, да и глаз вы-

глядит здоровым, хоть толку от него никакого. Пальцы было не спасти – не собирать же по всему Афганистану, – зато пластический хирург уменьшил шрам на моем лице, превратив его в тонкую белесую полоску. След не исчез, однако дети не бросаются от меня врассыпную. Я себя успокаиваю, что шрам добавляет мужественности, что за маской мягкого, учтивого мужчины люди видят храброго бойца, прошедшего огонь, воду и медные трубы. Или вроде того.

Бомба покорежила не только мое тело, но и всю мою жизнь, включая карьеру. Я не знал, что делать с собой и своим будущим; как справляться с болезненными воспоминаниями, бессонницей, приступами гнева и другими безумными симптомами ПТСР. Дела мои шли под откос, пока я не достиг дна. Очнувшись однажды в луже блевотины после четырехдневного запоя, я наконец-то решил обратиться за помощью.

Мой выбор пал на психотерапевта по имени Эрик Боуэн, специалиста по КПТ и ДПТ – когнитивной и диалектической поведенческой терапии. По сути, и в КПТ, и в ДПТ определенное поведение помогает пациенту контролировать мысли и переживания. Если чувствуешь себя подавленно – выпрямись во весь рост; столкнулся с непосильной задачей – постарайся сбросить напряжение, выполняя легкие дела: сперва один простой шажок, затем – другой.

Работать над поведением сложно, – а в КПТ и ДПТ еще множество других аспектов, – однако я медленно, но вер-

но начал приходить в себя и задумался о будущем. Обсудив с доктором Боуэном карьерные возможности, я понял, что скучаю по работе врачом. Я написал в университет Джонса Хопкинса – подал заявку на обучение в резидентуре[3]. На этот раз – по специальности «психиатрия». Думаю, Боуэну это польстило. Вероятно, благодаря нужным связям – ведь я уже там учился, к тому же был инвалидом войны, – мне все-таки дали зеленый свет. Начало учебы назначили на июль.

И только я получил письмо из университета, как узнал, что у дедушки случился инсульт. Это произошло в Исли – небольшом городке в Южной Каролине, о котором я ни разу не слышал от деда. Меня просили срочно приехать в больницу, потому что жить дедушке оставалось недолго.

Как его угораздило попасть в Исли? Насколько я знал, он уже много лет не покидал Нью-Берн. Когда я добрался до больницы, дедушка едва разговаривал – лишь выдавливал отдельные слова, которые с трудом удавалось разбирать. Он говорил странные вещи. Пусть и нелепые, они задевали меня за живое, и я не мог отделаться от чувства, что дедушка пытается перед смертью сообщить мне нечто важное.

Единственный родственник, я должен был организовать похороны. Конечно, дедушка хотел бы упокоиться в родном городе. Я отвез тело в Нью-Берн, заказал скромную панихи-

---

[3] Резидентурой в США, странах ЕС и Казахстане называется клиническая ординатура – этап образования для врачей, окончивших медицинский вуз. Выпускник резидентуры на базе высшего учебного заведения получает свидетельство и право на самостоятельную врачебную деятельность.

ду, на которую пришло больше людей, чем я предполагал, – а потом долго слонялся по дедушкиному участку, снедаемый горем и чувством вины.

Мои вечно занятые родители уделяли мне мало внимания, поэтому в детстве почти каждое лето я проводил в Нью-Берне. Мне так не хватало дедушки, что тоска отзывалась физической болью. Он был веселым, мудрым и добрым, с ним я всегда чувствовал себя старше и умнее, чем на самом деле. Как-то раз он позволил мне, восьмилетнему мальчишке, покурить кукурузную трубку[4]; он научил меня рыбачить на муху и разрешал помогать с починкой машины. Он поведал мне все о пчеловодстве и пчелах, а когда я был уже подростком, сказал, что однажды я встречу девушку, которая изменит мою жизнь навсегда. Я спросил, как я узнаю, она ли это, – и дедушка, подмигнув, ответил: «Если сразу не поймешь – ищи дальше».

Из-за того, что случилось в Кандагаре, мне так и не удалось повидаться с дедушкой. Я знал, что он обо мне беспокоится, но не хотел рассказывать ему о демонах, с которыми боролся. Черт, я даже психотерапевту открывался с трудом. И пусть я знал, что дедушка не осудит, мне проще было держаться на расстоянии. Меня терзало, что он умер прежде, чем я наладил утраченную связь. Вдобавок ко всему, сразу после похорон мне позвонил юрист и сообщил, что я унасле-

---

[4] Кукурузная трубка – курительная трубка, изготовленная из кукурузного початка.

довал дедушкин участок. Так я и оказался владельцем дома, где ребенком провел столько незабываемых летних деньков.

Похоронив дедушку, я неделями размышлял о том, как много не успел сказать человеку, беззаветно меня любившему. Я то и дело вспоминал странные слова, произнесенные им на смертном одре, и все гадал, что же он делал в Исли. Это как-то связано с пчеловодством? Или он навещал старинного друга? А может, ехал на свидание? Вопросы не давали мне покоя. Я рассказал об этом доктору Боуэну, и тот посоветовал выяснить, в чем дело.

Рождественские праздники прошли незаметно, а с наступлением нового года я выставил на продажу свою квартиру. Риелтор предположил, что поиск покупателей займет пару месяцев, но – удивительное дело! – желающий нашелся почти сразу, и уже в феврале мы ударили по рукам. Летом меня ждала резидентура в Балтиморе, так что снимать квартиру смысла не было. Вспомнив о дедушкином доме в Нью-Берне, я решил: почему бы и нет? Наконец-то выберусь из Пенсаколы[5], подготовлю старый дом к продаже. А может, даже выясню, зачем дедушка ездил в Исли – и что, черт возьми, он пытался мне сказать.

Так я и оказался на веранде древней хижины, разбрасывая под дверью нафталиновые шарики.

---

[5] Пенсакола – город в штате Флорида.

* * *

Вообще-то я хотел выпить отнюдь не лимонада. Дедушка называл так пиво. Одним из самых волнительных приключений моей мальчишеской жизни было сбегать для него за «лимонадом». Как ни странно, всякий раз я находил в холодильнике бутылку с этикеткой «Будвайзер».

Я же предпочитаю «Инглинг» от старейшей пивоваренной компании в Америке. К этому пиву меня приобщил Рэй Ковальски – старший товарищ из Военно-морской академии. Он родился в Потсвилле, штат Пенсильвания, – на родине «Инглинга» – и настаивал, что нет пива вкуснее. Забавно: Рэй вырос в семье шахтера, а сейчас, насколько я слышал, служит на атомной подводной лодке «Гавайи». Думаю, отец ему с детства втолковывал: чем меньше на работе свежего воздуха и света – тем лучше.

Интересно, что бы сказали родители о моей теперешней жизни? Я ведь два с лишним года сидел без работы. Отец наверняка пришел бы в ужас; он отчитывал меня даже за пятерки с минусом и расстроился, когда я предпочел Военно-морскую академию, а не его альма-матер – Джорджтаунский университет – и не Йель, где он получил степень по юриспруденции. Каждое утро отец вставал ровно в пять, за чашечкой кофе читал «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», а затем ехал в Вашингтон, где работал лоббистом на различные ком-

пании. Хваткий и настойчивый переговорщик, он всю жизнь посвятил заключению сделок и знал наизусть целые разделы налогового кодекса. У него и пяти его партнеров по бизнесу в подчинении находилось более двухсот юристов; на стенах отцовского кабинета красовались совместные фотографии с тремя разными президентами, полудюжиной сенаторов и бессчетным числом конгрессменов.

Отец не просто работал – он все свое время посвящал работе, проводил в офисе семьдесят два часа в неделю, а по выходным играл в гольф с клиентами и политиками. Раз в месяц он устраивал дома прием, куда съезжалось еще больше политиков и клиентов. А вечерами часто уединялся в кабинете, где его ждали срочные звонки, доклады, планы. Мысль о том, чтобы в середине рабочего дня отдохнуть на веранде с бутылочкой пива, показалась бы отцу сущим бредом: он же Бенсон, а не бездельник какой-то! Безделье, по его мнению, было худшим из зол.

Он никогда не проявлял ко мне особой заботы, однако не могу назвать его плохим отцом. Честно говоря, мать тоже не стояла часами у плиты и не заседала в родительских комитетах. Выучившись на нейрохирурга в университете Джонса Хопкинса, она постоянно выезжала на вызовы, всецело разделяя отцовскую увлеченность работой. По мнению дедушки, она из кожи вон лезла, чтобы скрыть свое происхождение, ведь появилась на свет она в маленьком городке, а ее родители даже в колледже не учились.

Тем не менее я никогда не сомневался в родительской любви, пусть даже сроду не видел домашней еды, а фуршетов посетил больше, чем семейных походов с палатками. В Александрии[6] такие семьи – обычное дело. Со мной в элитной школе учились дети авторитетных, преуспевающих родителей, перенимая от них стремление сделать блестящую карьеру. Хорошие оценки здесь никого не удивляли, требовалось больше. От детей ждали свершений в спорте, музыке, а лучше – во всем сразу, и в придачу – популярности у сверстников. Признаюсь, и меня увлек этот круговорот; перейдя в старшую школу, я хотел только одного: не ударить в грязь лицом. Я встречался с самыми успешными девчонками, по годовым отметкам уступал лишь одному однокласснику, участвовал в чемпионате штата по футболу, исполнял пьесы на фортепиано.

Увы, родители так и не увидели, как я получаю диплом. Я стараюсь поменьше думать о той авиакатастрофе и не люблю о ней рассказывать. Обычно собеседники не знают, что сказать. Беседа затухает, а я жалею, что вообще открыл рот.

Но порой я задумываюсь: может, я просто говорю не с теми людьми? И есть ли на свете «те люди» – которые проявят участие? Одно скажу вам точно: жизнь никогда не идет по намеченному плану.

---

[6] Александрия – город в штате Вирджиния. Расположен недалеко от столицы США – Вашингтона.

Глава 2

Я знаю, о чем вы, наверное, подумали: с чего бы парню, который два с половиной года пребывал в умственном и эмоциональном раздрае, становиться психиатром? Способен ли он кому-то помочь, если даже со своими тараканами не разобрался?

Хорошие вопросы. Что касается ответов… Черт, я и сам тогда не знал. Сомневался, что кого-то вылечу. Тем не менее мои возможности были ограничены. С карьерой хирурга я попрощался навсегда – из-за частичной слепоты, нехватки пальцев и прочего, – а семейным врачом или терапевтом работать не хотел.

И все же я скучал по хирургической практике. Скучал по обработке рук перед операцией: по тому, какой шершавой делалась кожа, по скрипу резиновых перчаток; я любил восстанавливать кости, связки и сухожилия, любил уверенность в каждом движении.

Однажды в Кандагаре паренек лет двенадцати раздробил коленную чашечку, упав с крыши, и местные медики так неумело его прооперировали, что бедняга едва ковылял. Мне пришлось заново восстанавливать ему колено, а через полгода он сам прибежал ко мне на осмотр. В тот миг меня охватила радость: я все исправил, вернул мальчугана к нормальной жизни. Я спрашивал себя, принесет ли такие же

чувства работа психиатром? Можно ли окончательно вылечить болезни психики?

Жизни свойственны крутые повороты, и на разных этапах пути наши мечты и надежды меняются. Вчера доктор Боуэн – я с ним беседую по скайпу каждый понедельник – сказал, что люди – творения незавершенные. Я размышлял об этом, стоя вечером у гриля и слушая мурлыканье радио. Садилось солнце, озаряя многоцветное небо. Я перевернул стриплойн-стейк[7], который приобрел в мясной лавке на другом конце города. На кухне меня дожидались ломтики печеной картошки и салат.

Нет, я не заправский кулинар, как вы могли подумать. Я неплохо управляюсь с грилем, вот и все. После переезда в Нью-Берн я три-четыре раза в неделю подбрасываю угля в старый дедушкин «вебер»[8] и разжигаю огонь. Это напоминает мне о детстве, когда летними вечерами мы с дедушкой готовили ужин во дворе.

Как только мясо подрумянилось, я положил его на тарелку и уселся за стол на задней веранде. К тому времени уже стемнело, вдалеке горели огни домов, а луна отражалась в спокойных водах Брайсес-Крик. Стейк удался на славу – жаль, печеная картошка немного остыла. Я бы ее подогрел, но микроволновки на кухне не было. Да, я сделал дом пригодным

---

[7] Стриплойн-стейк – вырезка из поясничного отдела говяжьей туши. По периметру стейка оставляют тонкую полоску жира, придающую мясу сочность.

[8] «Вебер» – американская компания, производящая грили и барбекю.

для жизни, однако еще раздумывал, стоит ли покупать новую технику, менять черепицу, заделывать щели в рамах и выравнивать кухонный пол. Соберись я продать участок – уверен, новые владельцы снесли бы дедушкин дом, чтобы возвести другой, по индивидуальному проекту. Не нужно было разбираться в недвижимости, чтобы понять: ценность участка заключалась в земле, а не в постройках.

Поужинав, я отнес тарелку в раковину, а затем вернулся на веранду с бутылкой пива, собираясь немного почитать. Я привез с собой целую стопку учебников по психиатрии, которые хотел проштудировать перед отъездом в Балтимор, – например, книги о психофармакологии или плюсах и минусах гипноза. Чем больше я читал, тем больше понимал, как многого еще не знаю. Обучение давалось мне с трудом; порой я чувствовал себя старым псом, которого пытаются обучить новым трюкам. Когда я пожаловался доктору Боуэну, тот посоветовал не ныть.

Я устроился в кресле-качалке, зажег лампу и начал было читать, как вдруг услышал голос со стороны дороги. Выключив радио, я немного подождал. Голос раздался снова:

– Есть кто дома?

С бутылкой пива в руке я подошел к перилам.

– Кто здесь? – крикнул я, вглядываясь во тьму.

Мгновение спустя в круге света от фонаря появилась молодая женщина в форме. А именно – в форме помощника шерифа. Признаться, незнакомка застала меня врасплох. До

этого мое общение с блюстителями закона сводилось к беседам с патрульными на дорогах, двое из которых остановили меня за превышение скорости. Несмотря на мои извинения и вежливость, оба выписали мне штраф, так что с тех пор полицейские внушали мне беспокойство – даже если я ничем не провинился.

Я молчал, лихорадочно соображая, зачем понадобился заместителю шерифа. Другая часть моего мозга обдумывала тот факт, что передо мной стояла дама. Звучит по-сексистски, однако мне нечасто встречались женщины-полицейские, особенно в Нью-Берне.

– Простите, что вот так подкралась, – нарушила тишину незнакомка. – Я стучала, но вы, похоже, не услышали. – Ее голос звучал дружелюбно и вместе с тем по-деловому. – Я к вам из управления шерифа.

– Чем могу помочь?

Мельком взглянув на гриль, она снова посмотрела на меня.

– Надеюсь, я не помешала вам ужинать?

– Вовсе нет, – помотал я головой. – Я уже поел.

– Что ж, прекрасно. Еще раз простите за вторжение, мистер…

– Бенсон, – подсказал я. – Тревор Бенсон.

– Я просто хотела узнать, законно ли вы проживаете в этом доме.

Формулировка меня немного удивила.

– Полагаю, да. Участок принадлежал моему деду, а после его смерти перешел ко мне.

– Вашего деда звали Карл?

– Вы его знали? – удивился я.

– Немного. Соболезную вашей утрате. Карл был хорошим человеком.

– Очень хорошим. Простите, а вас как зовут?

– Мастерсон, – ответила женщина. – Натали Мастерсон.

Когда она замолчала, я почувствовал, что меня внимательно изучают.

– Значит, Карл приходился вам дедушкой?

– Да, по материнской линии.

– Кажется, он про вас рассказывал. Вы ведь хирург? И военный?

– Уже нет. – Я замялся: – Простите… я так до конца и не понял, зачем вы пришли?

– Ах да. – Женщина махнула в сторону дома: – Я заканчивала обход, увидела свет в окнах и решила на всякий случай заглянуть.

– Нельзя уже и свет включить?

– Да нет, дело не в этом, – улыбнулась Натали. – Сейчас я вижу: все в порядке, и мне не следовало вас тревожить. Просто пару месяцев назад, сразу после смерти вашего дедушки, нам сообщили, что здесь горел свет. Дом, по идее, должен был пустовать, и я решила проверить, в чем дело. У меня возникло чувство, что здесь кто-то жил. Никаких повре-

ждений я не заметила, только взломанную заднюю дверь, но, учитывая свет в окнах, я решила: за домом надо присматривать. С тех пор я изредка сюда заглядывала – убедиться, нет ли непрошеных гостей. Бродяг, нелегалов, беспризорников или наркоманов, подпольно варящих мет.

– А что, в этих краях таких много?

– Не то чтобы много. Как и везде. Работенки нам хватает.

– К слову, я – не наркоман.

Она взглянула на бутылку у меня в руке:

– Алкоголь – тоже наркотик.

– Даже пиво?

– Без комментариев, – усмехнулась Натали.

Я решил, что она немного младше меня. Светлые волосы собраны в слегка растрепанный пучок, а глаза настолько голубые, что хоть сейчас разливай по бутылочкам и продавай в супермаркетах. Чертовски красивая женщина, а что еще важнее – без обручального кольца.

– Может, осмотрите дом? – предложил я.

– Нет, я рада, что теперь все в порядке. Мне очень нравился Карл. Мы с ним болтали на фермерском рынке, где он торговал медом.

Я помнил, как по субботам сидел вместе с дедушкой у придорожного лотка, однако на рынке мы не бывали. Впрочем, с тех пор Нью-Берн сильно изменился: появились новые кафе, магазины, предприятия. Впрочем, в Александрии – одном из придатков Вашингтона – в пять-шесть раз больше

жителей, и даже там, думаю, мужчины не давали бы проходу Натали Мастерсон.

– Расскажите подробнее, кто мог поселиться в моем доме.

Меня это не слишком заботило, просто не хотелось отпускать Натали.

– Я уже сказала все, что знаю.

– Вы не могли бы подойти ближе? – попросил я, показывая на ухо. – А то я плоховато слышу. Попал под обстрел в Афганистане.

Слышал я прекрасно; внутреннюю часть уха снаряд не повредил, пусть даже внешнюю снес напрочь. Да, признаю: порой я умышленно давлю на жалость. Я снова сел в кресло-качалку, надеясь, что Натали не задалась вопросом, почему я пожаловался на слух только сейчас. Фонарь освещал ее лицо; она какое-то время разглядывала мой шрам, затем поднялась по ступенькам и, развернув ко мне второе кресло-качалку, села. Правда, сперва отодвинула его подальше.

– Благодарю, – сказал я.

Натали улыбнулась – не слишком тепло: похоже, сомневалась, что я плохо слышу, и раздумывала, не зря ли села. Зато улыбка была достаточно широкой, чтобы я полюбовался на ровные белые зубки.

– Как я уже сказала…

– Вам удобно? – перебил я. – Не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Спасибо, мистер Бенсон, я на работе.

– Зовите меня Тревором. И пожалуйста, расскажите все с самого начала.

Моя собеседница вздохнула и – могу поклясться – чуть не закатила глаза.

– В прошлом ноябре, после смерти Карла, одна за другой зарядили грозы. Молнии сверкали вовсю, в трейлерном парке неподалеку даже сгорел фургон. Приехали пожарные, я – следом, и после того как огонь потушили, один из парней обмолвился, что любит охотиться на дальнем берегу речки.

Кивнув, я вспомнил выгоревший остов фургона, который заметил в первые дни после переезда.

– В общем, пару недель спустя я вновь столкнулась с этим пожарным, – продолжила Натали, – и он рассказал, что видел в окнах вашего дома свет. Причем два или три раза. Словно кто-то носил свечу из комнаты в комнату. Парень смотрел издалека, и возможно, ему почудилось. Однако он решил мне сообщить, потому что видел свет не единожды. К тому же он знал о смерти Карла.

– Когда это было?

– В прошлом декабре. В середине месяца. Неделю или две стояли морозы, и я бы не удивилась, если бы кто-то и правда залез в дом, чтобы согреться. В следующий раз проезжая мимо, я заметила, что задняя дверь сломана, а ручка едва держится. Я зашла в дом, бегло осмотрелась, но никого не обнаружила. Признаков вторжения не было. Никакого мусора, кровати заправлены. На первый взгляд ничего не пропа-

ло. Хотя… – Она нахмурилась, припоминая.

Я глотнул пива, ожидая продолжения.

– На кухонном столе стоял полупустой короб со свечками, а две, с почерневшими фитильками, лежали рядом. Еще я заметила, что часть столешницы не покрыта пылью, словно кто-то там ужинал. На кресле в гостиной, возможно, сидели – на соседнем столике тоже не было пыли. Весомых доказательств я не нашла, однако на всякий случай принесла из амбара доски и заколотила заднюю дверь.

– Спасибо! – поблагодарил я за рассказ.

Натали кивнула. Похоже, эта давняя история по-прежнему не давала ей покоя.

– Вы случайно не заметили, что каких-то вещей не хватает? – поинтересовалась она.

Немного подумав, я помотал головой.

– Вообще-то мне сложно судить. Я уже несколько лет сюда не приезжал, не считая похорон в октябре. А ту неделю я помню довольно смутно.

– Задняя дверь была цела?

– Я зашел через парадную, но точно проверил замки перед отъездом. Думаю, заметил бы поломку. Я ведь выходил на заднюю веранду.

– А когда вы сюда переехали?

– В конце февраля.

Натали задумчиво посмотрела на дверь.

– Вы все-таки считаете, что кто-то сюда вломился? –

немного подождав, спросил я.

– Сама не пойму, – призналась помощник шерифа. – Обычно в таких случаях я нахожу сломанные вещи и мусор: бутылки, фантики, всякий хлам. К тому же бродяги перед уходом не заправляют постель. – Натали побарабанила пальцами по подлокотнику. – Вы уверены, что все на месте? Оружие? Бытовая техника? А может, ваш дедушка хранил в доме наличные?

– Насколько я знаю, денег и техники у деда почти не водилось. А ружье я нашел в шкафу, когда приехал. Кстати, оно все еще там. Небольшой дробовик, чтобы диких зверей отгонять.

– Тогда все выглядит еще непонятнее. Оружие крадут в первую очередь.

– Так что же вы думаете?

– Не знаю, – пожала плечами Натали. – Либо здесь никого не было, либо сюда наведался самый опрятный и порядочный бродяга на свете.

– Мне стоит беспокоиться, как по-вашему?

– Вы что-нибудь видели или слышали? Может, кто-то бродил возле дома?

– Нет, – ответил я. – Хотя я частенько просыпаюсь среди ночи.

– У вас бессонница?

– Вроде того.

Натали помолчала, разглаживая складки на брюках.

– Что ж, у меня все. Больше не буду вас отвлекать.

– Спасибо, что заглянули и все рассказали. Еще и дверь мне починили.

– Не то чтобы починила…

– Вы очень мне помогли, – возразил я. – Ведь дверь не развалилась до моего приезда. А когда закончится ваша смена?

Натали взглянула на часы:

– Вот как, она уже закончилась!

– Тогда, может, выпьете со мной? – снова предложил я.

– Пожалуй, не стоит. Мне еще за руль.

– Ладно, вопрос снят, – улыбнулся я. – Но прежде чем вы уйдете – и раз уж вы не на работе, а я в городе новичок, – расскажите мне о нынешнем Нью-Берне. Я давно тут не был.

Натали удивленно подняла бровь:

– Почему вы просите об этом меня?

– Разве полиция не должна доблестно служить и защищать население? Просвещение – тоже часть службы. Как и починка дверей. – Я улыбнулся как можно обаятельнее.

– Боюсь, вы меня спутали с экскурсоводом, – отрезала Натали.

Может и так, подумал я, *но почему же ты не уходишь?*

– Ладно. Тогда расскажите, почему захотели стать шерифом.

Натали подняла взгляд – впервые посмотрела на меня по-настоящему. И снова я залюбовался ее глазами – цвета Карибского моря в дорогом туристическом журнале.

– Я не шериф, – поправила она. – Шериф – выборная должность. А я – его заместитель.

– Вы уходите от ответа.

– Откуда вдруг такой интерес?

– Я по жизни любопытный. Вы мне помогли, и я хочу немного узнать о женщине, которая проявила ко мне участие.

– И почему мне кажется, что у вас скрытый умысел?

Потому что ты не только красивая, но и умная, подумал я и, состроив невинное лицо, пожал плечами.

Натали внимательно на меня посмотрела.

– Почему бы вам сперва не рассказать о себе?

– Без проблем, – согласился я. – Что вы хотите узнать?

– Полагаю, из-за ранения вы больше не служите во флоте? И врачом не работаете?

– Вы правы, – кивнул я. – Меня ранило, когда я выходил из госпиталя, в котором служил. Удачный выстрел – для того, кто стрелял, конечно. Меня довольно серьезно задело. Во флоте меня признали инвалидом и отправили домой.

– Тяжело вам пришлось.

– Это точно, – согласился я.

– И вот вы переехали в Нью-Берн, чтобы?..

– Я здесь ненадолго. Летом уезжаю в Балтимор – изучать психиатрию.

– Серьезно? – удивилась Натали.

– Вам чем-то не угодили психиатры?

– Почему же. Просто не ожидала, что вам это интересно.

– Между прочим, я прекрасно умею выслушать пациента.

– Я не об этом, – возразила она. – Уверена, вы многое можете. Но… почему именно психиатрия?

– Хочу помогать ветеранам с посттравматическим синдромом, – объяснил я. – Сейчас такие врачи необходимы, особенно солдатам и морякам, которых то и дело переводят на другие базы. Как я уже говорил, пережитое на войне порой не покидает человека и дома.

– С вами так и случилось?

Мне показалось, что Натали проявляет искренний интерес.

– Да.

Она задумалась, и у меня снова возникло чувство, что она понимает меня по-настоящему.

– Тяжело было?

– Очень, – признался я. – Невыносимо. Сейчас тоже накатывает время от времени. Но давайте лучше сменим тему.

– Ладно, – кивнула Натали. – Теперь, когда вы все объяснили, я признаю, что ошибалась. Вы станете отличным психиатром. Как долго продлится обучение?

– Пять лет.

– Говорят, на врача учиться непросто.

– Как попасть под машину – может, чуть полегче.

Впервые за вечер Натали рассмеялась.

– Уверена, вы справитесь. И надеюсь, успеете насладиться

нашим городом. Тут чудесно, и много хороших людей.

– Вы выросли в Нью-Берне?

– Нет, – улыбнулась она. – Представьте, есть городишки еще меньше.

– Смешно.

– Зато честно. А можно узнать, что будет с домом, когда вы уедете?

– Вы хотите его купить?

– Боюсь, он мне не по карману. – Она убрала за ухо выбившуюся прядь. – Кстати, а вы откуда родом? Расскажите немного о себе.

Радуясь ее интересу, я вкратце поведал о детстве в Александрии, о родителях, о летних каникулах в Нью-Берне. Затем – о старших классах, колледже, медицинском факультете, резидентуре. О службе во флоте. И все это – чуточку приукрашивая, как обычно бывает, когда мужчина хочет впечатлить симпатичную женщину. Слушая мой рассказ, Натали иногда приподнимала брови – не знаю, от восхищения или просто удивляясь.

– Значит, вы – городской парень, – заключила она.

– Отнюдь, – возразил я. – Я все-таки из пригорода.

Уголки ее губ немного поднялись, однако я не понял, чем это вызвано.

– Одного не пойму – зачем вы пошли в Военно-морскую академию, – задумчиво произнесла Натали. – Вы же учились лучше всех. Вас приглашали в Йель и Джорджтаун!

Лучше всех? Я действительно так сказал?

– Не хотел напрягать родителей, – ответил я. – Решил себе доказать, что справлюсь без их помощи. Финансовой, я имею в виду.

– Разве вы не говорили, что семья у вас богатая?

Ах да. Похоже, я и этим успел похвастаться.

– Не то чтобы богатая… не бедствовали.

– Значит, вы пошли в академию из гордости?

– И чтобы служить родине, – добавил я.

– Понятно. – Натали едва заметно кивнула, глядя мне прямо в глаза, а затем, словно вдогонку, добавила: – Наверное, вы знаете, что в наших краях расквартировано много военных? В Черри-Пойнт[9], Кэмп-Лежен[10]… многие вернулись из Ирака и Афганистана.

– Когда меня направили служить за границу, я работал с докторами и медсестрами со всех концов страны. Я столько всего узнал, трудясь с ними бок о бок. Мы сделали много полезного. В основном принимали местных – большинство и врачей-то не видело, пока не открылся наш госпиталь.

Натали крепко задумалась. В тишине отчетливо послышался стрекот сверчков, и тут ее голос зазвучал снова:

– Даже не знаю, как бы я справилась с тем, что пережили

---

[9] Черри-Пойнт – авиабаза морской пехоты США в городе Хейвлок, штат Северная Каролина.

[10] Кэмп-Лежен – военно-учебный центр в Джексонвилле, штат Северная Каролина.

вы.

– То есть?

– Вы каждый день погружались в ужасы войны. И понимали, что есть люди, которым вы не в силах помочь. Я бы, наверное, не выдержала. Во всяком случае, не протянула бы долго.

Я чувствовал, что Натали говорит от чистого сердца, – пусть я и слышал подобное не впервые – и об армейских, и о врачебных заслугах.

– Наверняка вы тоже многое повидали, трудясь помощником шерифа.

– Пожалуй, – кивнула она.

– И все-таки работу не бросили.

– Не бросила. Хотя порой мне кажется, что больше не смогу. Время от времени я даже мечтаю открыть цветочный магазинчик или что-то вроде.

– А почему бы и нет?

– Как знать. Может, когда-нибудь открою.

Моя собеседница вновь замолчала. Заметив, что лицо ее стало серьезным, я прервал ее раздумья шутливой просьбой:

– Раз уж вы не хотите говорить, что в городе новенького, – может, хотя бы расскажете, где любите отдыхать?

– Ну… – замялась Натали, – я никуда особо не хожу вне службы. Разве что на фермерский рынок. Он работает по утрам в субботу. Правда, хорошего меда там теперь не найти.

– Наверное, у дедушки в сарае еще остался мед.

– А почему «наверное»?

– Я нашел несколько банок в буфете, а в сарай еще не заглядывал. Не было времени из-за ремонта. Поглядите: разве мог такой шикарный дворец появиться на ровном месте?

На этот раз Натали улыбнулась – правда, немного вымученно.

– А на лодке вы уже плавали? – Она кивнула в сторону причала.

Я еще не рассказывал про лодку. Достаточно будет упомянуть, что она всем своим видом соответствовала дому, только была еще дряхлее. Назвав суденышко лодкой, я ему польстил: оно скорее походило на туалетную будку и пару виниловых кресел на плавучем основании. Дедушка соорудил посудину из пустых металлических бочек, разнокалиберной рухляди и всего, что нашлось под рукой. Когда он не занимался пчелами, то неизменно возился с лодкой.

– Еще не плавал, – ответил я. – Даже не уверен, что мотор заведется.

– Прошлым летом лодка была на плаву, – сообщила Натали. – Карл мне рассказывал. Да и трудно ее не заметить. Ваш дедушка частенько на ней плавал, а люди его фотографировали.

– Экстравагантная посудина, да?

– Карлу она очень подходила.

– Ага.

Вздохнув, Натали встала с кресла.

– Мне правда пора. Надо кое-что успеть по дому. Приятно было познакомиться, мистер Бенсон!

«Мистер Бенсон»? Я-то надеялся перейти на «ты»… Эх, размечтался.

Натали уже спускалась с веранды. Когда она миновала последнюю ступеньку, мой мозг вновь лихорадочно заработал.

– Вам необязательно огибать дом. Удобнее будет пройти насквозь и выйти через парадную дверь.

– Спасибо, я и так дойду. Хорошего вечера!

– И вам. Рад был познакомиться, Натали!

Она неодобрительно подняла бровь, затем повернулась и быстро пропала из виду. Хлопнула калитка на подъездной дорожке, взревел мотор. А я остался размышлять о таинственном видении по имени Натали Мастерсон. Всякий счел бы ее красивой, однако еще больше она заинтриговала меня тем, как мало рассказала о себе.

Говорят, сердце женщины – загадка. Даже сейчас я рассмеюсь, если какой-нибудь приятель скажет, что он, мол, понимает женщин.

Мне не давал покоя односторонний характер нашей беседы. Я так много поведал Натали о себе, а в ответ не услышал почти ничего. Тем не менее я чувствовал, что скоро мы увидимся, – ведь я как минимум знал, где ее найти.

Глава 3

Утром я отправился на пробежку. Переехав в Нью-Берн, я перестал регулярно упражняться. Убеждал себя, что есть дела поважнее – например, отгонять нафталином змей, – однако правда заключалась в одном: мне не особенно нравился спорт. Я знаю, какую пользу он приносит – иначе что же я за доктор? – но бег всегда казался мне довольно нелепым занятием. Если это не бег за футбольным мячом.

Тем не менее я в устойчивом темпе пробежал шесть миль, а затем сделал сто отжиманий и столько же приседаний. Быстро приняв душ и перекусив, я приступил к повседневным делам. Работы как таковой у меня не было; я решил еще раз бегло осмотреть комнаты и убедиться, что все на месте. Задача заведомо невыполнимая – ведь я не знал, как выглядел дом до отъезда дедушки в Исли, к тому же я уже сделал уборку.

Я снова обратил внимание на дробовик в стенном шкафу и нашел упаковку с патронами. Больше боеприпасов не имелось; очевидно, другого оружия в доме не было. Под кроватью в гостевой спальне я обнаружил коробку. Внутри – стянутую резинкой пачку денег, а также объемистый конверт с фотографиями бабушки и разными документами: картой социального страхования, врачебными записями по поводу эпилепсии и так далее. Денег я насчитал немного – всего на

пару ужинов в дорогом ресторане, – однако вполне достаточно для человека, который срочно хочет выпить или уколоться. Если бы кто-то забрался в дом, то и деньгами наверняка поживился бы. Похоже, бродяги сюда не заглядывали.

А как же взломанная дверь?

Я потряс головой. Даже если здесь побывали чужаки, их давно и след простыл. Отбросив подозрения, я решил покорпеть над учебниками. Увы, чтиво оказалось не очень увлекательным, и часа через два книги мне наскучили. К счастью, змеи на веранде не появились – возможно, Келли ошибалась насчет нафталина.

Время от времени мои мысли обращались к прелестной Натали Мастерсон. Я то и дело вспоминал искорку интереса в ее глазах в ответ на мою чуть приукрашенную биографию. Раздумья о нашей беседе, о пчелах и лодке навели меня на мысли о дедушке и о моем последнем приезде к нему в гости. Тогда я учился в резидентуре, и пока однокурсники проводили заслуженный отдых на карибском побережье или в Канкуне, я отправился на машине из Балтимора в Нью-Берн – к дедушке, который с детства поддерживал меня и беззаветно любил.

Дедушку часто считали белой вороной – взять хотя бы чудаковатую лодку, – но в его огромном сердце всегда находилось пристанище для одиноких скитальцев. Он готов был накормить каждую дворнягу, забегавшую во двор, – выставлял у амбара миски с едой, к которым бог знает откуда сбега-

лись разномастные собаки. Тем, что появлялись постоянно, дедушка давал клички в честь автомобильных марок. Мальчишкой я частенько бросал мячик Кадиллаку, Форду (иначе – Эдселу[11]), Шеви[12] и Пинто[13]. Один крошечный песик – наверное, помесь терьера – носил чудное имя Виннебаго[14]. Когда я спросил у деда почему, – тот, подмигнув, ответил: «А ты погляди на его габариты!»

В молодости дедушка работал на лесопилке – превращал бревна в пиломатериалы. Как и меня, жизнь лишила его нескольких пальцев, но его карьера, в отличие от моей, от этого не пострадала. Он часто повторял: если мужчина не лишился на работе пальца, то работенка эта – никчемная. Удивительно, что этот же человек воспитал мою мать – утонченную, амбициозную интеллектуалку. Одно время я даже подозревал, что дедушка ее удочерил, однако потом заметил у них нечто общее – неиссякаемый оптимизм и порядочность.

Дедушка тяжело переживал смерть жены – моей бабушки. Я ее совсем не помню. Мы виделись лишь однажды, когда я еще учился ходить. Позже мама говорила, что дедушку надо почаще навещать, ведь тот остался совсем один. Для

---

[11] «Эдсел» – дочерняя марка автомобильной компании «Форд», существовавшая в 1958–1960 гг.

[12] «Шеви» – прозвище автомобилей марки «Шевроле».

[13] «Пинто» – модель автомобиля марки «Форд», выпускавшаяся в 1970–1980-е гг.

[14] «Виннебаго» – американская автомобильная компания, производящая трейлеры и грузовые автомобили.

него существовала единственная женщина, которую он любил всем сердцем, пока она не умерла от приступа эпилепсии. На стене спальни висел ее снимок, и у меня рука не поднималась его снять, пусть мы с бабушкой и не знали друг друга. Дедушка считал ее путеводной звездой – поэтому я оставил фотографию на месте.

И все же в этом доме я ощущал себя не в своей тарелке. Без дедушки все опустело, и после визита в амбар чувство утраты кольнуло меня еще острее. В амбаре царил такой же бардак, что и в доме. Я обнаружил не только нафталин и всевозможные инструменты, но и старенький трактор, разобранные двигатели, мешки с песком, кирки и лопаты, ржавеющий велосипед, военную каску, раскладушку с одеялом, на которой, похоже, когда-то спали, и бессчетные плоды дедушкиного накопительства. Да выбрасывал ли он хоть что-то?.. Впрочем, внимательно все осмотрев, я не нашел ни мусора, ни пожелтевших газет, ни рухляди, которой самое место на свалке. В амбаре лежали лишь вещи, которые могли понадобиться для дела.

Когда мне позвонили из больницы, я, в общем-то, валял дурака. Я мог бы навестить дедушку и на той неделе, и месяцем раньше, и годом. Даже в свои самые худшие времена.

Дедушка никого строго не судил, тем более – людей, столкнувшихся с ужасами войны. В двадцать лет его самого отправили в Северную Африку; затем он воевал в Италии, во

Франции, в Германии. После ранения в Арденнах[15] он снова вернулся в строй, как только армия союзников перешла Рейн. Я узнал об этом от матери, не от деда – тот никогда не рассказывал мне о войне. Уже переехав в Нью-Берн, я нашел его записи, «Пурпурное сердце»[16] и другие награды.

По словам мамы, построив дом, дедушка почти сразу занялся пчеловодством. В то время – прежде чем устроиться на лесопилку – он работал на местной ферме. Хозяин держал несколько ульев, но возиться с пчелами не любил, поэтому и нанял помощника. Для дедушки такая работа оказалась в новинку. Он взял в библиотеке книгу по теме, а остальному научился сам. Он считал, что пчелы – почти идеальные создания, и мог рассуждать о них бесконечно, лишь бы нашлись слушатели. Он обязательно поведал бы о пчелах врачам и медсестрам в Исли – просто не успел.

Как только мне позвонили из больницы, я купил билет до Гринвилла[17] с пересадкой в Шарлотт[18]. У аэропорта я взял напрокат машину и помчался в больницу. Увы, путь занял у

---

[15] Арденнская операция – контрнаступление немецко-фашистской армии на англо-американские войска на Западном фронте в ходе Второй мировой войны. Бои шли в декабре 1944 – январе 1945 гг. на территории горной системы Арденны в Бельгии и Люксембурге. Союзники победили, однако сражение стало самым кровопролитным для американских войск за всю историю США.

[16] «Пурпурное сердце» – военная медаль США, которую вручают американским военнослужащим, получившим ранение или погибшим от рук противника.

[17] Гринвилл – город в Южной Каролине.

[18] Шарлотт – город в Северной Каролине.

меня целых восемнадцать часов.

К тому времени дедушка уже три дня лежал в палате интенсивной терапии. Он с трудом вспомнил мое имя; после инсульта он какое-то время лежал без сознания, а очнувшись, почти не разговаривал. Правую половину его тела парализовало; да и левая едва двигалась. Взглянув на показания приборов и медкарту, я понял: жить дедушке оставалось недолго.

На фоне больничной койки он показался мне совсем крохотным. Знаю, так постоянно говорят о больных, однако он действительно исхудал. На его лицо – изможденное, перекошенное даже во сне – было больно смотреть. Я сел рядом с койкой, взял дедушку за руку – иссохшую и хрупкую, словно птичья лапка, – и почувствовал комок в горле. В тот миг я возненавидел себя за то, что не приехал раньше, за то, что так давно не навещал родного деда.

Долгое время дедушка не шевелился, лишь медленно, с натугой вздымалась и опадала его грудь. Я с ним разговаривал, пусть и не знал, слышит ли он меня. Насколько помню, говорил я без умолку – наверстывал упущенные годы, когда не мог приехать из-за собственных забот. Поведал о взрыве в Кандагаре и о том, как переживал последствия. Затем рассказал про Сандру – мою последнюю на тот момент девушку – и о том, как мы расстались. Сказал, что снова поступил в резидентуру. А еще в очередной раз поблагодарил дедушку за то, что он есть, что стал мне настоящей семьей – и до, и

после смерти родителей, – хотя порой я этого не ценил.

По словам медсестры, за все время дедушка произнес лишь два слова: мое имя и «Пенсакола» – так на меня и вышли. Временами дедушка открывал глаза и пытался что-то произнести, однако издавал лишь неразборчивые хрипы. А порой он озадаченно глядел на сиделок, словно не понимая, кто он и где находится.

Помимо печали и беспокойства меня охватывало недоумение. Зачем дедушке понадобился этот городок в Южной Каролине? Как он сюда добрался? На моей памяти он ни разу не бывал западнее Роли[19], даже в Александрию приехал лишь однажды. До сих пор я думал, что дедушка много лет не покидал пределы округа. А до Исли из Нью-Берна – ехать и ехать. Шесть или семь часов на машине, с пробками – еще дольше. Куда же собрался дедушка на девяносто втором году жизни?

Я бы подумал, что у него болезнь Альцгеймера, однако в письмах он излагал мысли ясно и содержательно, как прежде. Письма всегда ему хорошо удавались, а я обычно просто звонил, получив очередное послание. Так было проще: иногда я тот еще лентяй. Судя по телефонным разговорам, дедушка находился в здравом уме. С возрастом, конечно, он стал дольше подбирать слова, но никто не принял бы его за маразматика, готового ни с того ни с сего укатить в неизвестный городок.

---

[19] Роли – крупный город в Северной Каролине.

Глядя на бесчувственное тело на койке, я спрашивал себя, не упустил ли что-то важное. В послеполуденном свете его кожа выглядела серовато-бледной; к вечеру дыхание стало затрудненным. Часы посещений закончились, однако из больницы меня не выставили. Даже не знаю почему: возможно, потому что я и сам был врачом, а может, медсестры увидели, насколько мне дорог дедушка. Наступила ночь, затем рассвело, а я все сидел у койки, держа его за руку и говоря без остановки.

К утру я выдохся. Медсестра принесла мне кофе, и я, несмотря на усталость, отметил, как много вокруг хороших людей. Пришел на обход дедушкин врач. Судя по его лицу, думали мы об одном и том же: старый хороший человек доживает свои последние часы. Может, еще день протянет, не больше.

Около полудня дедушка слабо шевельнулся, его веки затрепетали, глаза приоткрылись. Он попытался сфокусировать зрение, и во взгляде мелькнуло замешательство, о котором упоминали медсестры. Я склонился над кроватью и взял дедушку за руку.

– Я здесь, деда. Ты меня слышишь?

Он повернул голову – совсем чуть-чуть.

– Это я, Тревор. Ты попал в больницу.

Дедушка медленно прикрыл глаза и снова приподнял веки.

– Тре… вор.

– Да, дедушка, это я. Приехал, как только узнал. Куда ты собирался?

Он сжал мою ладонь.

– Помоги…

– Не волнуйся, – успокаивал его я. – Здесь тебе помогут.

– Помоги… кара… на… пала…

Обрывки слов перемежались судорожными вдохами.

– Об… морок…

– Да, дедушка. У тебя был инсульт.

Я задумался, а вдруг его недуг назревал давно; к тому же я вспомнил, что бабушка страдала эпилепсией.

– Приступ…

– Все будет хорошо, – солгал я. – Мы с тобой скоро проведаем пчел, а потом спустим на воду лодку. Вдвоем, как в старые добрые времена.

– Как… у Роуз…

Я снова сжал его руку. Дедушка по-прежнему не понимал, что случилось, и меня злило собственное бессилие.

– Да, – кивнул я. – Роуз, твоя красавица-жена.

– Сообщи… родным…

Мне не хватило духу напомнить дедушке, что его жена и дочь давно умерли, а я – его единственный родственник.

– Скоро ты снова увидишь Роуз, – пообещал я. – Она очень сильно тебя любила. И ты любил ее. Она тебя дождется.

– Свежа… истома…

Я нахмурился: наверное, послышалось. Бессмыслица какая-то.

– Все хорошо. Я с тобой, – повторил я несколько раз.

– Поезжай… в хе…

– Я тебя не брошу! – перебил я. – Останусь здесь. Люблю тебя, деда. – Я прижался щекой к его морщинистым пальцам.

Дедушкин взгляд потеплел.

– Люблю… тебя…

В глазах у меня защипало.

– Ты – самый лучший человек среди всех, кого я знал, – прошептал я, еле сдерживая слезы.

– Ты… пришел…

– Конечно, пришел.

– А теперь… поезжай…

– Нет, – отрезал я. – Я остаюсь. Буду сидеть с тобой, сколько потребуется.

– Пожалуйста… – прохрипел дедушка, и его глаза закрылись.

Больше он ничего не сказал. А через полтора часа прошелестел его последний вздох.

* * *

Я лежал без сна в номере отеля неподалеку от больницы – заново переживал мгновения, проведенные с дедушкой. Я долго раздумывал над его последними словами и даже встал

с кровати, чтобы записать их в блокнот, лежавший у телефона; некоторые слова я соединил во фразы – так получилось немного понятнее.

Тревор… помоги… кара напала… обморок… приступ… как у Роуз… сообщи родным… свежа истома… поезжай в хе… люблю тебя… ты пришел… а теперь поезжай… пожалуйста.

Вначале он немного заговаривался, а затем все-таки меня узнал. Сказал, что любит, отчего у меня потеплело на душе. Я пообещал его не бросать – к счастью, так и случилось. От мысли, что дедушка мог умереть в одиночестве, у меня холодело на душе.

Я убрал сложенный вдвое листок в бумажник и продолжил размышлять. Из всего сказанного я не понимал лишь фразу «свежа истома». И почему дедушка считал инсульт «карой».

Я пообещал ему скорую встречу с Роуз, хотя он никогда не отличался набожностью. Не знаю, верил ли дедушка в загробную жизнь, но я не жалел о своих словах. По-моему, он хотел бы услышать именно их.

* * *

Спустившись по ступенькам с веранды, я отправился к причалу. Как и лодка, он выглядел весьма неказисто, хотя каким-то чудом пережил множество ураганов. Я осторожно

ступил на древние, явно подгнившие доски, опасаясь в любую секунду провалиться в воду. Однако настил меня выдержал, и я успешно забрался в лодку.

Такую посудину мог соорудить только мой дедушка. Ближе к носу располагалась «рубка» – садовый туалет без одной стенки, с кособоким окошком и старым деревянным штурвалом, купленным, скорее всего, у старьевщика. О строительстве лодок дедушка знал немного, так что суденышко двигалось скорее по наитию, нежели по науке. Штурвал был связан с рулевым механизмом весьма условно: чтобы повернуть влево или вправо, требовалось три-четыре оборота. И как только дедушка получил на эту лодку документы? Позади рубки стояли два виниловых кресла, маленький столик, привинченный к палубе, а также пара железных табуреток. Перила из деревянных брусьев защищали пассажиров от падения за борт; корму украшали прибитые к оцинкованной мачте рога техасского лонгхорна[20] – по словам дедушки, подарок от сослуживца.

Чтобы привести в действие мотор – древний под стать окружению, – требовалось дернуть за шнур, как на газонокосилке. Когда я был маленьким, дедушка позволял мне самому запустить двигатель, и после множества неудачных попыток я едва мог пошевелить пальцами. Теперь же я несколько раз резко дернул за шнур здоровой рукой, а когда мотор

---

[20] Техасский лонгхорн – американская порода крупного рогатого скота с очень длинными рогами. Длина одного рога – до 180 см.

не завелся, – понял, что проблема всего лишь в свечах зажигания. Дедушка слыл настоящим кудесником по части механизмов и без сомнения следил за состоянием мотора до самой поездки в Исли. Я снова задумался: что же ему там понадобилось?

* * *

Отыскав в амбаре гаечный ключ, я выкрутил свечи зажигания и отнес их во внедорожник. Да, моя машина – не лучший выбор с точки зрения экологии, зато она стильно выглядит и, хочется думать, немного украшает мир, чем компенсирует свои недостатки.

Доехав до «Фактории ленивого Джима», располагавшейся в миле от дедушкиного дома, я увидел, что магазинчик ничуть не изменился. Я спросил кассира, где у них свечи зажигания, и конечно же, в лавке нашлась нужная мне модель. Расплатившись, я почувствовал, что в животе заурчало: я с завтрака ничего не ел. Охваченный ностальгией, я направился в гриль-кафе. Все шесть столиков были заняты – здесь всегда собиралось много народу, – однако у стойки пустовало несколько табуреток, и я уселся на одну из них. Над печью висела меловая доска с меню. Блюд оказалось больше, чем я ожидал, хотя не все я отнес бы к здоровой кухне. Впрочем, я же с утра побегал – так что какая, к черту, разница?

Я заказал чизбургер и картошку фри. Клод – хозяин ма-

газинчика, которого я узнал по прошлым визитам, – носил фартук, однако больше походил на банкира, чем на повара: черные волосы, тронутые сединой на висках; голубая рубашка поло под цвет глаз. «Факторию» открыл его отец – примерно в то же время, когда мой дедушка выстроил дом. Клод владел магазинчиком больше десяти лет.

Вдогонку я попросил чая со льдом – такого же сладкого, как прежде. Юг славится своим сладким чаем; я наслаждался каждым глотком. Затем Клод поставил передо мной миску с чем-то коричневым и склизким.

– А это что такое? – поинтересовался я.

– Вареный арахис, – объяснил Клод. – Идет бесплатно с каждым заказом. Готовлю его уже два года по рецепту жены. У кассы – целая кастрюля, так что потом можете купить еще. Многие берут.

Я с опаской попробовал один орешек – тот оказался соленым и на удивление вкусным. Отвернувшись, Клод высыпал мороженую картошку фри в кипящее масло, а затем плюхнул на гриль котлету. У магазинных полок я заметил Келли – она раскладывала товар, и если заметила меня, то не подала виду.

– Мы с вами случайно не знакомы? – спросил меня Клод. – Кажется, я вас помню.

– Раньше я часто сюда приходил со своим дедом, Карлом Хэверсоном. Но это было давно.

– Точно! – просиял Клод. – Вы военный врач, да?

– Уже нет. Давайте сейчас не будем об этом.

– Меня зовут Клод, – представился хозяин магазина.

– Помню. А я – Тревор.

– Надо же, военный врач! – Клод присвистнул. – Дедуля, должно быть, вами гордился.

– Я им тоже гордился, – вздохнул я.

– Соболезную. Хороший был человек.

– Это точно. – Я очистил от кожуры еще один орешек.

– Вы теперь живете неподалеку?

– Да, в дедушкином доме. До июня примерно.

– Участок у вас шикарный! – похвалил Клод. – Ваш дедуля насажал там чудесных деревьев. Такая красота весной! Когда проезжаем мимо, жена просит притормозить. Все в цвету! А ульи еще там?

– Конечно, – кивнул я. – У пчел все в порядке.

– Ваш дедушка продавал мне мед для магазина. Народ мигом расхватывал. Если что-то осталось с прошлого года – с удовольствием помогу с реализацией.

– Сколько вам нужно банок?

– Да хоть все, – усмехнулся Клод.

– Такой хороший мед?

– Лучший во всем штате!

– А что, есть рейтинг? – удивился я.

– Не знаю. Но покупателям говорю именно так. И они всегда возвращаются.

Я улыбнулся.

– А почему вы сегодня за повара? Насколько помню, вы раньше стояли у кассы?

– Обычно – да, – ответил Клод. – Там прохладно и работенка попроще, да и жиром не заляпаешься. За гриль отвечает Фрэнк, но на этой неделе он взял отгул. Его дочь выходит замуж.

– Что ж, причина уважительная.

– Так-то оно так, вот только я давно не имел дела с грилем. Постараюсь, чтобы ваш бургер не подгорел.

– Буду очень признателен.

Клод оглянулся на шипящий гриль.

– Карл заходил сюда два-три раза в неделю. Всегда брал сэндвич с беконом и томатами на белом хлебе, к нему – картошку фри и соленый огурчик.

Я вспомнил, как заказывал то же самое вместе с дедушкой. Нигде я не пробовал сэндвичей вкуснее.

– Наверное, ему и арахис нравился, – предположил я. – Такая вкуснотища!

– А вот и нет, – возразил Клод. – У него же аллергия.

– На арахис? – Я недоверчиво прищурился.

– Ну, он мне так сказал. Мол, если съест – горло раздуется, как воздушный шар.

А я-то думал, что знал его, удивился я про себя, а потом вспомнил, что отец Клода – Джим – дружил с дедушкой.

– Как поживает ваш отец? – спросил я, хотя подозревал, что Джим тоже отошел в мир иной, ведь они с дедушкой бы-

ли почти ровесники.

– Ну, у него вроде все по-старому, – ответил Клод. – Пару раз в неделю приходит в магазин, садится в кресло у входа и завтракает.

– Ого!

– Карл частенько составлял ему компанию, – добавил Клод. – Парочка была – не разлей вода. Когда ваш дедушка умер, его место занял Джеррольд. Знаете Джеррольда?

– Нет.

– Он раньше работал в «Пепси», грузовик водил. Жена у него умерла пару лет назад. Неплохой мужик, правда иногда чудит. Если честно, не понимаю, как они с отцом общаются. Папаша глухой как пень, да и крыша у него едет потихоньку. Какие тут беседы!

– Ему, наверное, под девяносто?

– Девяносто один. Думаю, он и до ста десяти протянет. Не считая слуха, он здоровее меня.

Клод перевернул мясо и положил булочку в тостер. Когда она подрумянилась, он добавил листья салата и помидоры с луком, а затем повернулся ко мне:

– Можно вопрос?

– Давайте.

– Что понадобилось Карлу в Южной Каролине?

– Понятия не имею. Пока еще не выяснил. Думал, может, вы знаете.

Клод пожал плечами.

– Он чаще с отцом разговаривал, чем со мной. А вообще, после смерти Карла многие гадали, куда он ездил.

– Почему?

Облокотившись на стойку, Клод пристально посмотрел на меня.

– Ну, во-первых, он редко куда-то выезжал. Много лет не покидал город. А во-вторых, помните его грузовичок?

Я кивнул. Дедушка ездил на пикапе «Шевроле Си/Кей» 60-х годов выпуска. Я бы назвал эту машину нестареющей классикой, не будь она ржавой и облезлой развалюхой.

– Карл едва мог завести эту рухлядь. Даже он – мужик мастеровитый – признавал, что машина на ладан дышит. Сорок пять миль в час – ее потолок. Для города и такая сгодится, но не представляю, чтобы ваш дедуля гнал на ней по автостраде.

Я тоже не представлял. Выходит, не один я удивлялся, что же на него нашло.

Клод снова повернулся к грилю, выложил картошку фри на одноразовую тарелку и поставил передо мной обед.

– Хотите кетчупа и горчицы?

– Ага, – кивнул я.

Клод передал мне две бутылочки.

– Ваш дедушка тоже любил кетчуп, – сказал он. – Скучаю я по Карлу. Хороший был мужик.

Я рассеянно поддакнул; вспомнив разговор с Натали, я вдруг понял, что она не ошиблась: кто-то и правда жил в дедушкином доме.

– Пожалуй, поем во дворе. Приятно было поболтать, Клод.

– Конечно, не зря же я там кресла поставил. Рад был снова увидеться, Тревор.

Захватив тарелку и стакан, я бедром толкнул дверь на веранду. Затем направился к креслу-качалке. Поставив тарелку на деревянный столик, я задумался о загадочном бродяге. Не связан ли он с другими тайнами, окружавшими дедушку в последние дни жизни?

* * *

Я как раз доедал бургер, когда из магазинчика вышла Келли, держа пакет из вощеной бумаги – видимо, с обедом.

– Привет, Келли! – помахал я.

Она прищурилась:

– Мы знакомы?

– Встречались на днях, – напомнил я. – Ты шла мимо моего дома. Сказала, что нафталиновые шарики не защитят от змей.

– И правда, не защитят.

– Но с тех пор я не видел ни одной змеи.

– Они никуда не делись.

Неожиданно девушка присела на корточки и вытянула вперед руку с бумажной тарелкой, на которой громоздился бесформенный ком из чего-то вроде рыбных консервов.

– Иди сюда, Термит! Пора обедать. – Келли поставила тарелку на землю, и через миг из-за льдогенератора выскочил кот.

– Твой? – поинтересовался я.

– Нет, магазинный. Я его подкармливаю – Клод разрешил.

– Кот живет в «Фактории»?

– Где он бродит днем – не знаю, а ночью его пускают в магазин, – ответила девушка. – Он отличный мышелов.

– А почему Термит?

– Понятия не имею.

– И ты не знаешь, где он целыми днями пропадает?

Келли молча подождала, пока Термит начнет есть. Затем, не глядя на меня, пробурчала:

– А вы любите вопросы задавать.

– Интересно – вот и задаю, – пожал плечами я.

– Что интересного в коте?

– Я вспомнил о дедушке. Тот тоже подкармливал бродячих животных.

Термит покончил с обедом, и Келли забрала тарелку. Кот вальяжно направился в мою сторону и, не удостоив меня вниманием, скрылся за углом магазина.

Келли молчала. Вздохнув, она выбросила тарелку в урну и, уходя, проронила:

– Знаю.

Глава 4

Когда дело касается восстановления эмоционального и психического равновесия, и КПТ, и ДПТ придают особое значение здоровому образу жизни или «вещам, которым нас учат с детства». Такая терапия полезна любому, а для тех, кто, как я, страдает посттравматическим расстройством, она и вовсе незаменима, если хочешь наладить нормальную жизнь. На практике это означает бегать по утрам, соблюдать режим сна, есть здоровую пищу и не принимать вещества, пагубно влияющие на психику. Со временем я понял, что терапия – это не столько самокопание в кабинете у психолога, сколько выработка полезных навыков, и что еще важнее – претворение их в жизнь.

Предписаниям я следовал, если не считать чизбургер из «Фактории». Как показывал опыт, когда я переутомлялся, забрасывал спорт или налегал на вредную пищу, то острее реагировал на раздражители – громкие звуки или досаждающих людей. Я сколько угодно мог не любить пробежки, однако факт оставался фактом: уже пять с лишним месяцев мне не снились кошмары, а пальцы не дрожали с тех пор, как я переехал в Нью-Берн. Поэтому в субботу утром я снова пробежал несколько миль, а потом выпил чашечку кофе, который показался мне вкуснее, чем обычно.

Затем я отправился к лодке, чтобы заменить свечи зажи-

гания. Как я и рассчитывал, мотор, чихнув, ожил и мерно заурчал. Я оставил его на холостом ходу.

Думаю, дедушка мной гордился бы – в отличие от него, я не особенно ладил с техникой. Вспомнился анекдот, который он мне однажды рассказал:

– Почему у вас в машине так плохо пахнет?

– А что вы хотите? Двести лошадей!

Дедушка любил травить анекдоты. В его глазах загорались озорные искорки, и он начинал смеяться прежде, чем расскажет шутку до конца. В этом, да и во многом другом, он резко отличался от моих серьезных, зацикленных на карьере родителей. И что бы я только делал без такого неунывающего дедушки?

Заглушив мотор, я вернулся домой и привел себя в порядок. Надел брюки цвета хаки, рубашку поло и лоферы, сел в машину и за десять минут доехал до центра города.

Мне всегда нравился центр Нью-Берна, особенно район с исторической застройкой. Там высились монументальные старые здания, среди которых – возведенные в восемнадцатом веке. Удивительно, что они сохранились, ведь улицы частенько затапливало во время ураганов. Когда я приезжал сюда в детстве, многие старинные дома были в плачевном состоянии, однако затем их один за другим выкупили инвесторы и постепенно вернули им первоначальную красоту.

На улицах под сенью раскидистых дубов и магнолий то и дело встречались памятные таблички, напоминавшие о важ-

ных событиях прошлого: тут произошла нашумевшая дуэль, там родилась знаменитость, а здесь заседал Верховный суд. До Войны за независимость[21] в Нью-Берне находилось британское колониальное правительство, а Джордж Вашингтон, став президентом, сразу удостоил город визитом. Больше всего в центре Нью-Берна мне нравилось обилие маленьких магазинчиков. Здесь они прекрасно соседствовали с гипермаркетами, что для других небольших городов – редкость.

Я остановил машину у Епископальной церкви Христа и выбрался под яркие лучи солнца. День стоял теплый и ясный, поэтому я не удивился, что на улицах полно прохожих. Я прогулялся до музея пепси-колы – напиток изобрел местный житель по имени Калеб Брэдхем, – а затем решил зайти в кофейню «Бейкерс китчен», где любили завтракать горожане. Свободных мест не оказалось; люди ждали на скамейках у входа.

Прежде чем выйти из дома, я загуглил, где находится фермерский рынок: неподалеку от Исторического центра Северной Каролины, – и теперь без труда его отыскал. Делать все равно было нечего, к тому же Натали советовала туда заглянуть, так что я подумал: почему бы и нет?

Рынок оказался отнюдь не многолюдным рогом сельхоз-изобилия. Там не было фруктовых и овощных развалов,

---

[21] Война за независимость США (1775–1783) – война, в ходе которой тринадцать британских колоний на территории США боролись за независимость от британской короны. В итоге Великобритания признала США самостоятельным государством.

какие часто встречаешь вдоль шоссе. Вокруг в основном стояли крытые палатки с безделушками, выпечкой и всевозможными изделиями ручной работы. Впрочем, я сразу понял почему: на дворе стоял апрель, а не летние урожайные месяцы. Однако продукты с грядок тоже имелись, так что я решил немного осмотреться и пополнить свои запасы.

Попивая яблочный сидр из стаканчика, я разгуливал среди палаток. Торговали соломенными куклами, скворечниками, колокольчиками из морских раковин, банками с яблочным повидлом и другими не нужными мне товарами.

Народ прибывал. Сделав полный круг, я заметил Натали Мастерсон: сжимая в руках корзину, она стояла у лотка со сладким картофелем. Даже издали она выделялась в толпе. Выцветшие джинсы, белая футболка и босоножки гораздо эффектнее подчеркивали ее фигуру, чем унылая полицейская форма. Солнечные очки она сдвинула на макушку; макияж был легким – только помада. Волосы с небрежным шиком падали на плечи. Думаю, утро у мисс Мастерсон прошло так: она оделась, взбила пальцами прическу и, быстро накрасив губы, выпорхнула за дверь, потратив на сборы не больше пяти минут.

Похоже, Натали пришла на рынок одна. После недолгих раздумий я направился к ней и чуть не столкнулся с пожилой дамой, покупавшей скворечник. Когда я подошел, Натали обернулась и удивленно на меня посмотрела, а я как ни в чем не бывало пожелал ей доброго утра.

– Доброе утро, – ответила она; в ее взгляде по-прежнему читалось изумление.

– Не знаю, помните ли вы меня. Я – Тревор Бенсон. Мы с вами недавно познакомились.

– Помню.

– Надо же, встретились!

– Ничего удивительного, – проронила Натали. – Я ведь говорила, что часто здесь бываю.

– Вы так нахваливали этот рынок, что и я решил заглянуть. Все равно собирался купить продуктов.

– А почему же до сих пор не купили?

– Чуть раньше я выпил сидра. А еще присмотрел куклу из соломы.

– Вы не похожи на собирателя кукол, – усмехнулась Натали.

– Зато будет с кем поболтать за чашечкой кофе.

– Звучит печально, – заметила она, задержав на мне взгляд чуть дольше обычного.

Я задумался: флиртует она со мной или же всех так буравит глазами?

– Вообще-то я пришел за картошкой.

– Тогда валяйте. Тут ее полно. – Натали повернулась к лотку и, закусив губу, принялась выбирать овощи.

Подкравшись поближе, я мельком взглянул на ее профиль и поймал беззащитное, удивительно трепетное выражение, словно она все еще размышляла над тем, почему в мире тво-

рится столько зла. Оставалось лишь гадать, вспоминает ли она о работе.

Натали выбрала несколько средних картофелин; мой выбор пал на две побольше. Пересчитав содержимое корзины, Натали взяла еще парочку.

– Так много картошки, – заметил я.

– Это для пирогов.

В ответ на мой вопросительный взгляд она добавила:

– Я их делаю для соседки.

– Вы умеете печь? – восхитился я.

– Конечно. Я ведь живу на Юге.

– А соседка не умеет?

– Она уже в возрасте. К ней скоро приедут дети и внуки. Она обожает мою выпечку.

– Вы молодец, – похвалил я. – А как там у вас на работе?

– Хорошо.

– Никаких приключений? Перестрелок, погонь?

– Нет, – помотала головой Натали. – Все как обычно: семейные разборки, парочка нетрезвых водителей. Ну и сопровождение, конечно.

– Сопровождение?

– Сопровождение заключенных. Из тюрьмы в суд и обратно.

– Это тоже ваша работа? – удивился я.

– Все помощники шерифа этим занимаются.

– И как? Не страшно?

– Обычно нет. Большинство заключенных – в наручниках и довольно послушные. В суде им больше нравится, чем в тюрьме. Хотя некоторые заставляют понервничать. Находятся психопаты. У таких словно не хватает каких-то винтиков. Кажется, он тебя убьет, а потом спокойно съест парочку тако.

Сосчитав картофель в корзине, Натали обратилась к продавцу:

– Сколько с меня?

Вынув из сумочки купюры, она расплатилась. Я тоже достал кошелек и отсчитал нужную сумму. И тут появилась незнакомая кареглазая брюнетка лет тридцати с небольшим; расплывшись в улыбке, она помахала моей спутнице. Натали замерла, а женщина подбежала, лавируя среди покупателей, и крепко ее обняла.

– Привет! Как ты, дорогая? – воскликнула брюнетка с почти заботливой интонацией, словно у Натали имелись проблемы, о которых я не знал. – Давно тебя не видела.

– Прости, – отозвалась Натали, когда подруга разомкнула объятья. – Много дел навалилось.

Женщина понимающе кивнула и, не скрывая любопытства, перевела взгляд на меня.

– Тревор Бенсон. – Я протянул ей руку.

– Джули Ричардс.

– Джули – мой стоматолог, – объяснила Натали и снова обратилась к брюнетке: – Я вечером позвоню тебе в офис, узнаю, когда есть окошко…

– Перестань, – отмахнулась Джули. – Приходи, когда тебе удобно.

– Спасибо, – тихо сказала Натали. – Как там Стив?

– Весь в делах, – ответила Джули. – Они все никак не наймут еще одного врача, так что график у Стива плотный. Сейчас он играет в гольф – ему нужно немного развеяться. К счастью, он пообещал вечером отвести детей в кино, чтобы у мамочки тоже выдалась свободная минутка.

– Да здравствуют компромиссы, – улыбнулась Натали.

– Он покладистый, – подытожила Джули и снова перевела взгляд на меня: – Ну, не томите. Как вы двое познакомились?

– Мы не вместе, – смутилась Натали. – Просто случайно здесь встретились. Мистер Бенсон недавно переехал в Нью-Берн, а в его доме произошел инцидент. Ничего особенного, рабочие дела.

Мне показалось, что Натали напряжена, поэтому я поднял пакет с покупками.

– Я сюда пришел купить картошки.

Джули переключилась на меня:

– Вы недавно переехали? Откуда?

– Из Флориды. А вообще, я вырос в Вирджинии.

– Где именно? Я сама из Ричмонда.

– А я – из Александрии.

– Как вам наше захолустье? – хохотнула Джули.

– Нравится. Впрочем, я еще обживаюсь.

– Ничего, скоро освоитесь. Здесь много хороших людей.

Затем женщины вновь разговорились, а я слушал вполуха, пока Джули наконец не обняла Натали на прощание.

– Прости, мне пора бежать. Дети у соседки, и я ей пообещала, что скоро вернусь.

– Рада была повидаться, – сказала Натали.

– И я. Если что, звони, хорошо? А то я за тебя волнуюсь.

– Хорошо. Спасибо.

Когда Джули упорхнула, я заметил во взгляде Натали усталость.

– Все в порядке? – поинтересовался я.

– Да, – кивнула она. – Вполне.

Я подождал, однако Натали ничего не добавила.

– Мне еще нужно купить клубники, – немного помолчав, холодно произнесла она.

– Здесь хорошая клубника?

– Не знаю, – ответила она чуть живее. – Ее только начали продавать. В прошлом году она была вкуснейшая.

Натали подошла к лотку с клубникой, зажатому между палатками, где продавали кукол и скворечники. Вдалеке я снова увидел Джули-стоматолога, которая беседовала с молодой парой; Натали наверняка их тоже заметила, но виду не подала. Она склонилась над ящиком с ягодами. Я подошел ближе, и тут она резко выпрямилась.

– Ох, совсем забыла! Мне надо купить брокколи, пока не расхватали. – Натали шагнула назад. – Приятно было поболтать, мистер Бенсон.

Несмотря на улыбку, я понял: Натали хочет от меня отделаться. Окружающие наблюдали, как она от меня пятится.

– И мне, мисс Мастерсон, – ответил я.

Развернувшись, она зашагала туда, откуда мы только что пришли, оставив меня одного у ящиков с клубникой. Молодая продавщица отсчитывала сдачу другому покупателю. Я замешкался. Остаться? Или пойти следом? Я подумал: если догоню Натали, она может рассердиться или испугаться, поэтому остался на месте.

Местная клубника на вид не отличалась от магазинной, разве что не такая яркая. Решив поддержать местных фермеров, я купил коробку с ягодами и, огибая людей, медленно побрел к выходу. Краем глаза я заметил Натали у палатки с яблочным повидлом; брокколи в ее корзине не было.

Чашечка кофе была бы достойным дополнением к чудесному утру, и я отправился в кофейню «Трент-ривер». Пройти предстояло несколько кварталов – что ж, в погожий денек прогулка только в радость.

Посетители кофейни брали какие-то мокко-масала-латте без кофеина – или что там сейчас модно заказывать? Когда подошла моя очередь, я попросил черный кофе, и юная кассирша с проколотой бровью и вытатуированным пауком на запястье воззрилась на меня так, будто я – пришелец из восьмидесятых.

– И все? Просто… кофе?

– Да, будьте добры.

– Ваше имя? – осведомилась девушка.

– Иоганн Себастьян Бах.

– С одной «н»?

– Ага.

Нацарапав маркером «Иоган», кассирша передала мой стаканчик молодому коллеге с длинными, завязанными в хвост волосами. Похоже, имя ей ни о чем не говорило.

Захватив кофе, я решил прогуляться по парку Юнион-пойнт, разбитому в месте слияния рек Ньюс и Трент. Именно там – если верить грамотно установленной памятной табличке – в 1710 году швейцарские и немецкие переселенцы основали Нью-Берн. Думаю, колонисты держали курс южнее – в Майами-Бич или в Диснейуорлд[22], – однако заплутали и вместо этого застряли здесь. Похоже, капитан был слишком гордый, чтобы спрашивать дорогу.

Место оказалось совсем не плохое. Даже красивое – пока не врываются ураганы с Атлантики. Из-за сильного ветра Ньюс перестает течь к морю, вода отступает назад, и горожанам только и остается, что ждать Ноева ковчега. Мой дедушка пережил ураганы Фрэн и Берту в 1996-м, но по-настоящему мощным он считал только Хейзел в 1954-м. Та буря опрокинула два улья – по мнению дедушки, настоящая катастрофа. А еще снесло крышу его дома, но это уже так, ерун-

---

[22] «Диснейуорлд», или «Всемирный центр отдыха Уолта Диснея» – самый большой в мире центр развлечений. Расположен в штате Флорида, к юго-западу от Орландо.

да. Вряд ли бабушка Роуз разделяла его взгляды: она переехала к родителям, пока дом ремонтировали.

В центре парка стояла большая беседка, а люди прохаживались вдоль берега по симпатичной дорожке, выложенной плиткой. Немного прогулявшись, я сел на свободную скамейку с видом на реку Ньюс, которая здесь была почти в милю шириной. Ее неспешные воды искрились на солнце; я наблюдал, как вниз по течению скользит яхта с раздутыми, словно подушки, парусами. У ближайшей пристани готовились к отплытию сапсерферы[23]. Одетые в шорты с футболками или в короткие гидрокостюмы, они, вероятно, обсуждали план действий. На дальней оконечности парка дети кормили уток; еще двое ребят бросали фрисби, а один запускал воздушного змея.

Мне понравилось, что местные жители умеют весело отдохнуть. В Кандагаре – и раньше, учась в резидентуре, – я работал практически без выходных; дни сливались в одну изнурительную круговерть. А в Нью-Берне я начал привыкать к отдыху по субботам и воскресеньям. Впрочем, подобным образом проходили и другие дни недели, так что я практиковался вовсю.

Допив кофе, я выбросил стаканчик в ближайшую урну и подошел к ограждению набережной. Облокотившись на перила, я подумал, что жизнь в небольшом городе по-своему

---

[23] Сапсерфинг – разновидность серфинга, когда спортсмен, стоя на доске, гребет веслом, а не руками, как в классическом серфинге.

хороша. Пару минут спустя я только укрепился во мнении, потому что увидел Натали. Она шагала в моем направлении по извилистой дорожке, держа корзинку на сгибе локтя и наблюдая, как отплывают от берега сапсерферы.

Я мог бы ей крикнуть или помахать, однако помня, как окончилась наша встреча на рынке, удержался. И продолжил наблюдать за томным течением реки, пока не услышал позади голос:

– Опять вы!

Я обернулся. Натали всем своим видом демонстрировала, что не ожидала меня здесь встретить.

– Вы это мне? – Я тоже изобразил удивление.

– Что вы тут делаете?

– Наслаждаюсь субботним утром.

– Вы знали, что я сюда приду! – возмутилась Натали.

– Откуда мне знать, куда вы собирались?

– Понятия не имею. – Подозрительность из ее голоса не исчезла.

– Чудесное утро, красивый вид. Почему бы мне сюда не заглянуть?

Она открыла было рот, чтобы ответить, затем закрыла и, выдержав паузу, произнесла:

– Ладно, меня это не касается. Простите, что потревожила.

– Вы ничуть меня не потревожили, – заверил я и, кивнув на корзину, прибавил: – Купили все, что хотели?

– А почему вы спрашиваете?

– Чтобы разговор поддержать, – ответил я. – Раз уж вы повсюду за мной ходите…

– Не хожу я за вами! – вспыхнула Натали.

Я рассмеялся.

– Шучу. Скорее наоборот – по-моему, вы меня избегаете.

– С чего бы? Мы едва знакомы.

– Вы правы. И мне жаль, что это так.

Казалось, я стою с битой на бейсбольном поле: пан или пропал. Лукаво улыбнувшись, я отвернулся к реке.

Натали застыла на месте, словно решая, уйти или остаться. Я думал, она выберет первое, – тем не менее она подошла ближе и, вздохнув, поставила корзину на землю. Похоже, с третьей попытки я все-таки попал по мячу.

Помолчав, Натали произнесла:

– У меня к вам вопрос.

– Валяйте.

– Вы всегда такой настойчивый?

– Вовсе нет, – ответил я. – По натуре я тихий и замкнутый. Настоящий пай-мальчик.

– Что-то сомневаюсь.

Сапсерферы заскользили, ловя волну. Натали положила руки на ограждение и сцепила их в замок.

– Там, на рынке… – проговорила она. – Простите, что ушла. Наверное, это было невежливо.

– Вам не за что извиняться.

– Мне все-таки перед вами неловко. Просто поймите: город у нас небольшой, людям лишь бы посплетничать. А Джули…

Натали осеклась, и я за нее закончил:

– …болтает больше всех.

– Я просто боялась, что она не то подумает.

– Понимаю, – кивнул я. – Сплетни – проклятье маленьких городов. Будем надеяться, Джули сейчас дома с детьми, а не гуляет в парке, иначе у нее появится компромат.

Я, конечно, пошутил, однако Натали сразу же оглянулась. Я тоже осмотрелся. Прохожие не обращали на нас никакого внимания. Я все равно недоумевал, что плохого могли подумать про Натали, когда она со мной рядом.

Даже если она прочитала мои мысли, то не подала виду. Впрочем, ее взгляд смягчился.

– Как вы готовите пирог из сладкого картофеля? – полюбопытствовал я.

– Вам нужен рецепт?

– Я просто ни разу не пробовал таких пирогов. Хочу понять, какие они на вкус.

– Немного похожи на тыквенные. Я добавляю яйца, масло, сахар, ваниль, корицу, мускатный орех, сгущенку и чуточку соли. Но главное в пироге – хрустящая корочка.

– У вас она хорошо получается?

– Прекрасно, – похвасталась Натали. – Главный секрет – сливочное масло. Впрочем, есть и сторонники маргарина.

Мы с мамой пробовали оба рецепта и сошлись, что масло лучше.

– Ваша мама живет здесь, в Нью-Берне?

– Нет, она по-прежнему в Ла-Грейндже, где я родилась.

– Даже не знаю, где это.

– Между Кинстоном и Голдсборо, недалеко от Роли, – объяснила Натали. – Отец по профессии фармацевт. Открыл свое дело еще до моего рождения. У него магазинчик – с лекарствами и не только. Мама тоже там работает, на кассе.

– Когда мы познакомились, вы говорили, что городок небольшой.

– Да, всего две с половиной тысячи жителей.

– Не сложно ли там с аптечным бизнесом? – поинтересовался я.

– Даже в маленьких городках людям нужны лекарства. Кому как не вам знать – вы же врач.

– Был им раньше, – поправил я. – И, надеюсь, снова стану.

Натали молчала. Я разглядывал ее профиль, гадая, какие мысли таятся в ее голове.

Вздохнув, она заговорила:

– Я размышляла над вашими словами. О том, что вы хотите стать психиатром и помогать людям с посттравматическим расстройством. Думаю, вы большой молодец.

– Спасибо.

– А как люди узнают, что у них такое расстройство? Как вы сами поняли?

Странно: мне показалось, что Натали спрашивает не ради поддержания беседы и даже не из интереса ко мне. Такое чувство, что она преследовала собственные, не понятные мне цели. Случись это в прошлом, я попытался бы сменить тему, но благодаря доктору Боуэну мне стало проще рассказывать людям о своих проблемах.

– У каждого по-разному, симптомы могут различаться. Мои протекали как по учебнику. Ночью – то бессонница, то кошмары, а днем я почти все время находился на взводе. Меня раздражали громкие звуки, руки тряслись, я со всеми ссорился из-за ерунды. Почти год я злился на весь белый свет, много пил и постоянно играл в GTA[24].

– А теперь? – спросила Натали.

– Стало лучше. Во всяком случае, мне так кажется. И психотерапевт со мной согласен. Мы с ним по-прежнему беседуем каждый понедельник.

– Значит, вы уже поправились?

– Не думаю, что это излечимо, – вздохнул я. – Скорее, я научился контролировать ситуацию. Хотя бывает нелегко. Стресс сильно усложняет жизнь.

– Я думала, стресс – неотъемлемая часть жизни.

– Конечно, – согласился я. – Именно поэтому его и не вылечить.

---

[24] GTA (сокр. от «Grand Theft Auto») – серия компьютерных игр, сочетающих в себе элементы квеста и экшна. Игра известна реалистичным изображением насилия; сюжет часто предполагает преступную деятельность: угон автомобилей, ограбления, убийства.

Немного помолчав, Натали вдруг иронично улыбнулась.

– GTA? Серьезно? Почему-то не представляю, чтобы вы играли днями напролет.

– Между прочим, у меня неплохо получалось. Это не так-то просто, когда не хватает двух пальцев.

– А теперь вы играете?

– Нет. Я и от многого другого отказался. Если вкратце, мое лечение состоит в том, чтобы заменить плохие привычки полезными.

– Мой брат обожает эту игру. Наверное, мне стоит его предостеречь?

– У вас есть брат?

– Брат и сестра, – уточнила Натали. – Сэм на пять лет меня старше, Кристен – на три. У них семьи, дети. И, опережая ваш вопрос, – они оба живут в окрестностях Роли.

– Как же тогда вы оказались здесь?

Натали переступила с ноги на ногу, словно раздумывая, как лучше ответить.

– Дело в том, что в колледже я встретила молодого человека. Он вырос здесь – и я, окончив учебу, переехала к нему. Так и оказалась в Нью-Берне.

– Полагаю, у вас с ним не сложилось?

Натали на мгновение прикрыла глаза.

– Сложилось, но не так, как я рассчитывала, – произнесла она тихо.

Я так и не понял, что она чувствовала. Сожаление? Оби-

ду? Печаль? Я решил, что сейчас не время расспрашивать, и сменил тему.

– Каково было расти в маленьком городке? Раньше я считал, что Нью-Берн – небольшой, но две с половиной тысячи жителей – это нечто совсем крохотное.

– Там было чудесно, – улыбнулась Натали. – Мама с папой дружили почти со всем городом, мы даже двери никогда не запирали. В школе я знала всех-всех. Летом каталась на велосипеде, плавала в бассейне, ловила бабочек. Чем старше становлюсь, тем сильнее тоскую по той, простой жизни.

– Ваши родители так и останутся там?

Она помотала головой.

– Несколько лет назад они купили домик в Атлантик-Бич[25] и теперь стараются бывать там почаще. Уверена, как только выйдут на пенсию, переберутся туда насовсем. Мы уже отмечали там прошлый День благодарения. В общем, рано или поздно они переедут. – Натали завела за ухо выбившуюся прядь.

– А как вы устроились в управление шерифа? – поинтересовался я.

– Вы уже спрашивали.

– И мне по-прежнему любопытно. Ведь вы по сути не ответили.

– Да что тут рассказывать? Обычная история.

---

[25] Атлантик-Бич – небольшой городок в Северной Каролине, расположенный на барьерном острове Бог-Бэнкс. Находится примерно в часе езды от Нью-Берна.

– И все-таки? – Я проявил настойчивость.

– В колледже я изучала социологию и после выпуска хотела получить магистерскую или докторскую степень, однако поняла, что выбор вакансий по моей специальности невелик. Я подумывала переучиться на медсестру, но испугалась трудностей. И тут я узнала, что управление шерифа набирает сотрудников, и импульсивно подала заявку. К моему огромному удивлению, меня приняли на курсы подготовки. А я ведь даже с оружием не умела обращаться. Я думала, в этом и будет состоять работа: разборки с негодяями, опасные ситуации, перестрелки – без оружия никуда. Так показывали по телевизору, и это все, что я знала. Однако на обучении я сразу поняла: навыки работы с людьми – гораздо важнее. Умение разрядить обстановку, взять верх над эмоциями. Ну и конечно, бумаги. Горы бумаг.

– Вам нравится?

– Работа как работа, – пожала плечами Натали. – Что-то нравится, что-то – нет. Порой сталкиваюсь с таким, что хотелось бы поскорее забыть. С ужасными вещами.

– Вы когда-нибудь стреляли в людей? – полюбопытствовал я.

– Нет. Однажды пришлось выхватить пистолет, и все. Я же говорила: моя работа не похожа на криминальные сводки по телевизору. Впрочем, знаете что?

– Что же?

– Даже без опыта за плечами я научилась хорошо стре-

лять. В общем-то, лучше всех в группе. С тех пор я занимаюсь стендовой стрельбой по тарелочкам и глиняным голубям. Выходит неплохо.

– По глиняным голубям? – удивился я.

– Это похоже на обычную стендовую стрельбу, однако мишени движутся под разными углами, с разными скоростями и по разным траекториям. Они имитируют движение птиц и мелкой дичи в природе.

– А я вот ни разу не охотился.

– Я тоже, – призналась Натали. – Не хочу. Но если когда-нибудь соберусь – у меня, наверное, неплохо получится.

Эта женщина восхищала меня все больше.

– Не так-то сложно представить вас с ружьем в руках, – улыбнулся я. – Когда мы познакомились, вы тоже были при оружии.

– Меня это… расслабляет, – произнесла Натали. – На стрельбище я отключаюсь от посторонних мыслей.

– Говорят, массаж тоже расслабляет. Лично я предпочитаю йогу.

– Вы занимаетесь йогой? – Ее брови взмыли вверх.

– Психотерапевт посоветовал. Мне помогает. Я теперь могу надеть ботинки, не садясь на табурет. Люблю проделывать этот фокус на вечеринках.

– Хотела бы на это посмотреть! – рассмеялась Натали. – А где вы тут тренируетесь?

– Пока что нигде. Еще не нашел преподавателя.

– А будете?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Я ведь здесь ненадолго.

– Потом вернетесь?

– Может быть. Зависит от того, продам ли дом. Возможно, вернусь в конце лета, чтобы собрать мед.

– Вы знаете, как его собирать? – удивилась Натали.

– Конечно! – воскликнул я. – Вообще-то, это не так уж сложно. Липко, грязно, но не сложно.

– Пчелы меня пугают, – поежилась моя собеседница. – Не дружелюбные шмели, а те, что вьются прямо перед носом, словно хотят напасть на вас.

– Это сторожевые пчелы, – объяснил я. – Иногда их называют «вышибалами». Я тоже от них не в восторге, зато они важны для улья. Они защищают рой от хищников и отгоняют пчел-чужаков.

– А внешне они отличаются от остальных?

– Вообще-то нет. За жизненный цикл пчела успевает выполнить разные функции: например, вначале она пчела-гробовщик, затем чистит улей, ухаживает за маткой, кормит личинок или же добывает нектар и пыльцу. А к концу жизни может стать «вышибалой».

– «Пчела-гробовщик»? – переспросила Натали.

– Они убирают из улья мертвых сородичей.

– Неужели?

Я кивнул.

– Дедушка считал, что пчелиные семьи – самые совершен-

ные в мире сообщества. В основном они состоят из женских особей – возможно, в этом-то и дело. Готов поспорить, что все пчелы, которых вы встречали, – самки.

– Почему?

– Пчелы-самцы зовутся трутнями и выполняют всего две задачи: едят и оплодотворяют пчеломатку. Поэтому много их не нужно. – Я ухмыльнулся. – По-моему, идеальная работенка: ешь себе да занимайся сексом. Я мог бы стать отличным трутнем!

Натали закатила глаза, однако – готов поспорить – едва не рассмеялась. Очко в пользу Бенсона.

– Гм… а как выглядят ульи? – поинтересовалась она. – Не дикие, а те, что на пасеке.

– Я бы вам описал, но лучше посмотреть вживую. С радостью покажу вам дедушкину пасеку, если заглянете в гости.

Внимательно на меня посмотрев, она спросила:

– Когда вам будет удобнее?

– Завтра – в любое время. Может, днем? В час?

– Я еще подумаю, ладно?

– Конечно, – улыбнулся я.

– Вот и славно. – Натали наклонилась за корзиной. – Приятно было пообщаться.

– И мне, – ответил я. – Подождите… Я, кажется, проголодался. Не хотите ли вместе пообедать?

Она наклонила голову. Я уже подумал, согласится, однако…

– Простите, не могу. Срочные дела.

– Ладно, – развел руками я. – Просто подумал, что стоит предложить.

Она слегка улыбнулась и зашагала к выходу из парка. Я стоял, провожая глазами ее стройную фигуру.

– Натали! – вдруг не выдержал я.

– В чем дело? – оглянулась она.

– Если бы речь шла о ставках, какова вероятность, что вы завтра придете ко мне в гости?

Она закусила губу.

– Пятьдесят на пятьдесят.

– И я никак не могу повысить шансы?

– Ну… – протянула она, отступая еще на шаг. – Боюсь, что не можете. До встречи.

Оставшись на месте, я смотрел ей вслед – надеялся, что обернется, – но Натали не обернулась.

Позже, прокручивая в памяти наш разговор, я отметил, что на фермерском рынке она держалась со мной совсем иначе. Я разделял ее нежелание становиться объектом сплетен, но чем больше я об этом думал, тем сильнее подозревал: слухи здесь ни при чем. Натали, вдруг понял я, хотела отделаться от Джули не из-за страха людской молвы. Она скорее боялась, как бы я не узнал лишнего.

Похоже, у нас обоих имелись секреты. И пусть я рассказал Натали о своем прошлом, я по-прежнему оставался для нее чужим, поэтому глупо было ожидать, что она будет со

мной откровенна. Впрочем, я не мог избавиться от мысли, что Натали боится не секретов как таковых, а вины, которая их сопровождает.

Глава 5

Одну вещь мама втолковывала мне с раннего детства: если ждешь гостей – прибери в доме.

Ребенком я это правило недолюбливал. Кому какое дело, сложил ли я игрушки в корзину и заправил ли кровать? Можно подумать, политики и лоббисты, которых родители приглашали на приемы, нагрянули бы в детскую! У них всегда находились дела поважнее: потягивать вино, залпом хлестать мартини и мнить себя очень важными шишками. Помню, как клялся себе: вот вырасту – и научусь обходиться без уборки. Однако – вы поглядите! – как только на горизонте замаячила встреча с Натали, мамины наставления тут же всплыли в памяти.

Закончив пробежку и прочие упражнения, я прибрался в доме: пропылесосил, протер столы и раковину, отдраил ванную комнату и, наконец, заправил кровать. Сам я тоже помылся – не без пения в душе, – а остаток утра провел за учебником.

Глава, которую я читал, рассказывала о музыке как вспомогательном способе лечения, и, штудируя материал, я вспомнил годы, посвященные игре на фортепиано. Мы с инструментом всю жизнь то сходились, то расходились; я посвятил музыке все детство, в Военно-морской академии забросил занятия, на медицинском факультете – возобновил, а

поступив в резидентуру, от силы пару раз ударил по клавишам. В Пенсаколе я играл довольно часто, ведь в холле здания, где я снимал квартиру, стоял шикарный рояль «Безендорфер» 1890 года выпуска. В Афганистане мне вновь стало не до музыки – впрочем, сомневаюсь, что в стране сохранилось хоть одно пианино. Теперь же, без двух пальцев, играть как прежде я не мог – и вместе с тем осознавал, как сильно мне не хватает музыки.

Отложив учебник, я сел в машину и поехал в продуктовый магазин. Там пополнил запасы съестного, а вернувшись, сделал себе сэндвич. Когда я сполоснул тарелку, стрелки часов уже приблизились к тринадцати ноль-ноль. Я по-прежнему сомневался, что Натали появится на пороге, однако надежды не терял.

Подобно дому и амбару, медовый сарай снаружи выглядел неказисто. Жестяная крыша покрылась ржавчиной, стены, обшитые кедровыми досками, посерели от времени, а когда я толкнул массивные двустворчатые двери, те жалобно скрипнули в петлях. На этом, как ни странно, сходство с другими дедушкиными постройками заканчивалось: внутри медовый сарай больше походил на музей. Дедушка провел сюда воду и электричество, повесил яркие флуоресцентные лампы, утеплил стены и потолок. Посреди помещения в бетонном полу имелось дренажное отверстие. У левой от входа стены висела раковина из нержавейки; к крану крепился длинный шланг; рядом, аккуратно сложенные друг на друга,

хранились магазинные надставки[26] и разделительные решетки[27] для ульев. У правой стены стояло пластмассовое ведро с растопкой для дымарей[28], над которым располагались полки, уставленные десятками баночек с медом. Напротив входа хранился прочий инвентарь, необходимый пчеловоду: ведра со сливными кранами, тачка, ящики с пустыми банками, рулоны самоклеящихся этикеток, ножи для распечатки сот, зажигалки. На крючках висели нейлоновые и металлические фильтры для меда, пара дымарей, а также с десяток защитных костюмов, перчаток и лицевых сеток всевозможных размеров. Кроме того, в сарае имелись две медогонки[29], с помощью которых дедушка извлекал мед из сот. Я вспомнил, как в детстве крутил рукоять одной из них, пока не онемели пальцы. Вторую же, электрическую, дедушка приобрел, когда заболел артритом. Обе медогонки отлично сохранились.

Найти подходящую для меня и Натали защитную одежду

---

[26] Магазинные надставки, или магазины – дополнительные ярусы, которые устанавливаются в улей поверх основного корпуса, чтобы увеличить объем гнезда и площадь сот во время медосбора.

[27] Разделительная решетка – сетчатая перегородка, которая помещается в улей, чтобы пчеломатка не смогла проникнуть в верхние секции улья и отложить там яйца. Тогда в этих секциях соты будут заполнены исключительно медом. Также используется, чтобы не выпустить матку из улья во время роения пчел.

[28] Дымарь – приспособление для окуривания пчел дымом с целью временно их усмирить.

[29] Медогонка – устройство для извлечения меда из сот. Соты распечатывают с помощью специального ножа, вставляют в кассеты медогонки и вращают. Под действием центробежной силы мед вытекает из ячеек и собирается в баке.

не составило труда. Дедушка охотно рассказывал о пчелах всем, кому интересно, часто – целым группам. Многие боялись приближаться к ульям без специального костюма; сам же дедушка никогда такой не надевал.

– Они меня ужалят, если только я сам захочу, – утверждал он. – Знают, что я о них забочусь.

Правду он говорил или нет, но я не помню, чтобы его хоть раз ужалили во время работы на пасеке. Впрочем, дедушка верил местному преданию, что пчелиный яд облегчает боль от артрита, поэтому каждый божий день ловил двух пчел и, держа их за крылышки, вынуждал ужалить – по укусу в каждое колено. Впервые понаблюдав за этим действом, я испугался, что дедушка спятил; теперь, будучи врачом, я понимаю: он просто опередил свое время. Контролируемые клинические исследования доказали, что пчелиный яд на самом деле помогает пациентам с артритом. Почитайте, если не верите.

В прошлом я так часто имел дело с ульями, что дальнейшие действия произвел машинально. Я засыпал растопку в дымарь, после чего захватил зажигалку, нож для распечатки сот, два защитных костюма с перчатками и пару лицевых сеток. Поддавшись порыву, достал с полки две банки меда, а затем отнес все необходимое на веранду. Вытряхнув пыль из комбинезонов и сеток, я повесил их на перила, а остальное сложил на столик возле кресел-качалок.

Часы показывали четверть второго. Натали еще не появи-

лась. «Плохо, – подумал я, – но еще хуже, если она увидит, как я ее высматриваю». Мужчина должен казаться гордым и неприступным.

Я вернулся в дом, налил себе сладкого чая, который был заварен накануне вечером, и отправился на заднюю веранду. Как в воду глядел: не успел я сделать и пары глотков, как по гравию зашуршали шины. Я не смог сдержать улыбки.

Снова пройдя дом насквозь, я открыл входную дверь в тот самый момент, когда на крыльцо поднялась Натали. Сегодня она надела джинсы и белую рубашку, которая красиво подчеркивала оливковый оттенок кожи. Глаза она спрятала за солнечными очками, а волосы завязала в небрежный хвост, отчего стала еще привлекательнее.

– Добрый день, – улыбнулся я. – Рад, что вы все-таки пришли.

– Простите, что опоздала. – Натали сдвинула очки на макушку. – С утра мне надо было кое-что уладить.

– Ничего страшного. У меня сегодня весь день свободен. – Тут я вспомнил о банках с медом, которые принес из сарая, и показал их Натали. – Это вам. Вы ведь говорили, что любите дедушкин мед.

– Очень мило с вашей стороны, – поблагодарила она. – А вам самому меда хватит?

– Более чем. Его даже слишком много.

– Если хотите от него избавиться, всегда можно продать его на фермерском рынке, – предложила Натали.

– Не знаю, найдется ли время, – развел руками я. – С утра по субботам я обычно читаю вслух слепым беспризорникам. Ну или котят с деревьев достаю.

– Что-то вы разошлись.

– Просто пытаюсь вас впечатлить.

Ее губы тронула улыбка.

– Даже не знаю, принять ли это за комплимент, – протянула она.

– Конечно, принять.

– Учту ваше мнение, но ничего не обещаю.

– Да я и не настаиваю, – пожал плечами я. – Кстати о меде: Клод из «Фактории» готов взять на продажу все, что не нужно мне самому, – поэтому, думаю, бóльшая часть банок попадет к нему в магазин.

– Постараюсь туда успеть, пока не прознает весь город.

На мгновение повисла тишина, и Натали заглянула мне прямо в глаза. Внезапно смутившись, я затараторил:

– Знаю, вы хотите поскорее увидеть ульи, но давайте сперва посидим здесь. Я расскажу, что вас ожидает, и когда мы пойдем на пасеку, вы уже немного разберетесь в предмете.

– Это ведь ненадолго?

– Конечно. За час управимся.

Достав из заднего кармана телефон, Натали сверилась со временем.

– Тогда все хорошо. Я пообещала съездить к родителям после обеда. Они сейчас в Атлантик-Бич.

– А я-то подумал, вам надо напечь пирогов для соседки.

– Я испекла их вчера.

– Весьма предусмотрительно, – отметил я. – Пойдемте!

Я пригласил Натали в дом. У меня за спиной эхом зазвучали ее шаги. Я остановился.

– Не хотите чего-нибудь выпить?

Взглянув на запотевший стакан у меня в руке, она кивнула.

– Можно мне то же самое?

– Прекрасный выбор.

Достав из буфета стакан, я бросил туда кубики льда и налил сладкого темного чая из холодильника. Затем, облокотившись на кухонную стойку, стал наблюдать, как Натали делает первый глоток.

– Неплохо, – вынесла вердикт она.

– Вкуснее ваших пирогов?

– Конечно нет!

Я усмехнулся, глядя, как она пьет и рассматривает комнату. Сам того не ожидая, я мысленно поблагодарил маму за совет про уборку. Натали теперь сочтет меня опрятным – и довольно симпатичным, конечно.

А может, и нет. Я точно знал лишь то, что она нравится мне. Ее же мысли оставались загадкой.

– А вы тут кое-что поменяли, – заметила Натали. – По-моему, стало просторнее.

– Тут пылилась куча хлама. Я от него избавился.

– Мои родители – совсем как ваш дедушка. У них на каминной полке штук пятьдесят фотографий в рамках. Когда протираешь одну, остальные валятся, как костяшки домино. И зачем их столько?

– Наверное, чем старше люди, тем важнее для них прошлое, – предположил я. – Потому что будущего остается мало…

– Наверное, – ответила Натали, ничего не прибавив.

Размышляя, о чем же она думает, я открыл заднюю дверь.

– Готовы?

Я вышел на веранду вслед за Натали; она выбрала то же кресло-качалку, что и в день нашего знакомства. Однако, в отличие от меня, не откинулась на спинку, а примостилась на самом краешке, словно готовая вскочить и убежать, как только найдется повод. Я удивился, что шутливая беседа ничуть ее не расслабила. Впрочем, Натали вообще была полна сюрпризов.

Я глотнул еще чая, наблюдая, как она смотрит вдаль: идеальный, словно высеченный из хрусталя профиль.

– Так бы вечно сидела и любовалась, – произнесла Натали.

– Я тоже, – поддакнул я, не спуская с нее глаз.

Усмехнувшись, она оставила мою реплику без комментариев.

– Вы когда-нибудь плавали в этой речке? – спросила она.

– Да, в детстве. Сейчас вода еще не прогрелась.

– Полагаю, здорово тут купаться. Кстати, выше по тече-

нию кто-то видел аллигаторов.

– Шутите?

– Так далеко на север они обычно не заплывают. Нам о них сообщают пару раз в год, но сама я ни разу их не видела. Аллигаторы прячутся в глуши, вдали от машин.

– Если вдруг захотите поплавать, у меня есть лодка.

– Было бы здорово, – кивнула Натали, а затем вдруг сцепила руки на коленях и вся подобралась. – Так что вы хотели рассказать о пасеке?

– Хорошо, давайте начнем. – Я поставил стакан на столик. – Вы уже что-то знаете о пчелах? И много ли хотите узнать?

– У нас всего час – может, чуть больше. Поэтому расскажите то, что считаете самым важным.

– Договорились. У пчелиных семей есть годовой цикл, – начал я. – Зимой в улье живет от пяти до десяти тысяч пчел. С приходом весны, когда теплеет, пчеломатка откладывает все больше яиц, и популяция начинает расти. Летом одна колония насчитывает до ста тысяч особей, поэтому пчеловоды надстраивают ульи. Затем наступает осень, и матка начинает откладывать меньше яиц. Население улья сокращается, потому что колония каким-то образом понимает, что запасенного меда на всех не хватит. Зимой оставшиеся пчелы питаются медом, чтобы выжить. А еще они собираются вместе и вибрируют крылышками, чтобы произвести тепло и не дать друг другу замерзнуть. А когда теплеет, цикл на-

чинается снова.

Выслушав, Натали остановила меня взмахом руки.

– Погодите. Сперва скажите, как вы обо всем этом узнали. Дедушка научил?

– Я помогал ему с ульями, когда приезжал на лето. А еще не раз слышал, как он рассказывает о пчеловодстве другим. В старшей школе я даже защитил курсовой проект по естествознанию, посвященный пчелам.

– Я просто хотела убедиться, что вы знаток своего дела, – улыбнулась Натали. – Продолжайте.

Мне показалось, или она со мной заигрывала?

Я снова отхлебнул чая, стараясь не терять ход мыслей. Красота собеседницы мешала сосредоточиться.

– В каждом улье есть пчеломатка, – продолжил я. – Она живет от трех до пяти лет, если, конечно, не болеет. Вначале она летает по округе и спаривается с как можно большим количеством самцов, а затем возвращается в улей, где всю оставшуюся жизнь откладывает яйца. Из яиц появляются личинки, те потом превращаются в куколок, которые в свою очередь развиваются в рабочих пчел. В отличие от матки, такие пчелы живут всего шесть-семь недель и за свою короткую жизнь успевают выполнить самые разные задачи. Подавляющее большинство этих пчел – самки. А самцы зовутся трутнями.

– И все, что они делают – едят и спариваются, – добавила Натали.

– Ого, вы запомнили! – обрадовался я.

– Такое сложно забыть. А что происходит, если матка умирает?

– У пчелиных семей есть страховка на этот случай. В любое время года, если пчеломатка слабеет или откладывает мало яиц, пчелы-кормилицы начинают снабжать нескольких личинок веществом, которое зовется маточным молочком. Такое питание превращает личинок в пчеломаток, и самая сильная, если нужно, сменяет предыдущую во главе колонии. А значит – вылетает из улья, спаривается с трутнями и всю оставшуюся жизнь откладывает яйца.

– Незавидный удел.

– Зато без нее вся колония погибнет. Поэтому она и зовется маткой – от слова «мать».

– А какой в этом толк, если ей нельзя даже пройтись по магазинам или выбраться к подружке на свадьбу?

Я улыбнулся, про себя отметив, что у нас с Натали похожее чувство юмора.

– Вчера я упоминал задачи, которые выполняют пчелы: чистят улей, кормят личинок и так далее. Однако в большинстве своем они собирают пыльцу и нектар. Многие думают, что пыльца и нектар – одно и то же. Это не так. Нектар – сладковатый сок из сердцевины цветка. А пыльца – крошечные зернышки, которые скапливаются на тычинках. Угадайте, из чего же делается мед?

Натали призадумалась.

– Из нектара?

– Верно! – воскликнул я. – Пчела собирает нектар в медовый зобик, летит домой и производит мед. А еще у пчел есть железы, которые перерабатывают часть медового сахара в воск. Вот так, постепенно, пчелы производят и запасают мед.

– А как нектар превращается в мед?

– Это довольно противный процесс, – предостерег я.

– Все равно расскажите.

– Когда пчела возвращается домой с нектаром, она передает его изо рта в рот другой пчеле, та – следующей. Воды в веществе становится все меньше, пока оно не загустеет. Так и получается мед.

Натали поморщилась, на мгновение напомнив мне девочку-подростка.

– И правда, гадость.

– Я предупреждал.

– А что делают пчелы, которые добывают пыльцу?

– Они смешивают ее с нектаром, и получается перга – «пчелиный хлеб». Это еда для личинок.

– А откуда берется маточное молочко?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Раньше знал, но забыл.

– Спасибо за честность, – усмехнулась Натали.

– Я никогда не вру. А теперь еще один важный момент. Пчелы всю зиму питаются медом, поэтому пчеловод не должен забирать у них слишком много.

– Сколько же меда можно взять?

– Дедушка брал около шестидесяти процентов из каждого улья. Из одних – в июне, из оставшихся – в августе. В хозяйствах покрупнее иногда забирают больше, но вообще-то не следовало бы.

– Вот что, оказывается, губит пчел! – воскликнула Натали.

– О чем вы?

– Я где-то читала, что пчелы вымирают. И если они исчезнут вовсе – люди обречены.

– Последнее – правда, – кивнул я. – Если пчелы не будут переносить пыльцу с одного растения на другое, многие наши посевы погибнут. Однако численность пчел вряд ли падает из-за нехватки меда. Скорее – из-за химикатов, которыми выгоняют пчел из ульев. Дедушка никогда не использовал химию, ведь по большому счету можно обойтись без нее. Я вам покажу, когда пойдем на пасеку. Вот и все, пожалуй. – Я поставил стакан на столик. – Или у вас есть еще вопросы?

– Да, насчет сторожевых пчел. Почему они кружат прямо перед носом?

– Потому что это действенно, – усмехнулся я. – Людям не нравится, и они убегают. Вспомните: в дикой природе ульи частенько привлекают медведей. Для крошечной пчелы единственный способ защитить дом от огромного зверя – ужалить его в глаза, нос или пасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.